Подається російською мовою через відсутність в бібліотеках українського перекладу Алли Татаренко

Милорад Павич

Звездная мантия

Астрологический справочник для непосвященных

Нужно вовремя открыть свое прошлое ведь у него тоже есть свой срок годности и он может истечь…

Архондула Нехама

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды утром я проснулась от чувства того, что стала внучкой своей души. Знак, под которым я родилась, больше не был моим прежним знаком. Кроме того, я проснулась в незнакомой мне постели и в чужом языке, похожем на русский. На этом языке я сейчас и пишу эти слова. Живу я в парижском XVIII арондисмане, стригусь наголо и душусь духами "Black Bvlgari" unisex. Мой родной язык французский, родилась я под знаком Рака. Я заснула в одном из парижских отелей вместе со своим любовником и видела во сне какую-то воду, стоявшую надо мной, а проснулась в XV веке, не зная ни слова по-французски. Сейчас я говорю на странном языке, которым пользуются рыбаки на какой-то огромной реке. Зовут меня Филиппа Авранезович, мне пятнадцать лет, и я собираюсь кого-то убить. Мой зодиак теперь не Рак, а Скорпион, и любовник не тот, родившийся под знаком Льва, из Парижа, а совсем другой – я по уши влюблена в парня-Водолея. Он носит на фаллосе большущий перстень с печаткой, с ним я второй раз потеряла невинность…

Я боюсь заснуть, потому что меня ужасает неизвестность того, где я могу проснуться на следующее утро… То, что здесь написано, я пишу, чтобы зафиксировать хоть что-то из моей прежней жизни, ведь я даже не помню своего французского имени. Знаю только, что оно было первым и подлинным. Возможно, некто в Париже под знаком Рака, кто продолжает мою тамошнюю жизнь, по-прежнему носит это имя, пока я влачу существование здесь.

* * *

Рано или поздно все равно засыпаешь. Как я ни боялась, случалось заснуть и мне. Причем не раз. И теперь я знаю, с чем имею дело. Я нахожусь на дне своих снов, которые, как русские матрешки, помещены одни в другой. А я потихоньку стараюсь выбраться на поверхность. Из меньших снов в более крупные. Мучительно пробиваюсь из красной матрешки в синюю, из синей – в желтую… Из внучки превращаюсь в правнучку своей души.

Второе пробуждение выбросило меня в конец пришлого, XX века, в самый разгар какой-то войны. И первой моей мыслью было: а не случится ли так, что, просыпаясь каждый следующий раз, я снова буду терять невинность? Однако ничего такого не произошло. На сей раз я проснулась мужчиной, родившимся под знаком Козерога. Я была или лучше – я был влюблен и женщину с зеленым взглядом по имени Далона. Я ехал куда-то с компанией цыган-трубачей. Знаком Далоны был Овен. Ее глаза походили на два желчных пузыри, Я лишил ее невинности, воспользовавшись опытом собственного любовника из предыдущей "матрешки".

После третьего пробуждения я снова оказалась женщиной и снова была брошена в XX век. Я носим перчатки, в одну из которых были вшиты часы. Откликалась на имя Теодора. И спрашивала самое себя, то ли моя душа несет меня сквозь шесть затмений, то ли я несу ее. Я родилась под знаком Рыб и состояла в переписке со своим бывшим

преподавателем, одна ко это была не любовная переписка. У меня имелся враг в XVIII веке, родившийся под знаком Стрел мы

Четвертое пробуждение переместило меня в новый язык – греческий, притом что из детства у меня! остались некоторые познания в иврите. Родилась я под знаком Девы, имя мое было Архондула Нехама, я умела играть на фортепиано, однако не любила это-го. Я снова была virgo intacta и впервые занимались любовью на какой-то яхте с человеком, родившимся под знаком Близнецов.

Последнее (на данный момент) пробуждение принесло мне рождение под знаком Весов, неразделенную любовь и бесконечные предсказания, которые всегда оставались несбывшимися. Мой любовник (родившимся под знаком Тельца) не знал, как меня зовут. В детстве меня учили целовать хлеб, если он упал на землю. Звали меня Дионисией, и я чуть не погибла от какой-то бомбы…

* * *

Я больше не знаю, кто я такая и есть ли вне моего последнего пробуждения еще и другие, новые? Сколько этих "русских матрешек" и языков, куда я заключена? Под сколькими знаками родилась? И что будет за пределами последней "матрешки"? Есть ли еще какие-то знаки Зодиака, кроме тех, что нам известны? Не знаю, но мне кажется, что из всех моих пробуждений чему-то я все-таки научилась. Сколько бы миров ни существовало, вечно только одно – радость…

Эта книга – астрологическое руководство для непосвященных, таких, какой была и я сама до первого "пробуждения". Своего рода путеводитель по моим предыдущим жизням. Моя автобиография хором.

ЛЕВ И РАК

Лев

– В жизни все дело сводится к тому, есть у тебя дома золотая ложка или ее нет, – любил говорить один мой школьный товарищ.

Я же, со своей стороны, скажу вам, что это не совсем так. И жизнь, и деньги откатываются от меня, как волна от берега, несмотря на то что я родился под знаком Льва, что моей судьбой управляет Солнце и что в нашей скромной профессорской семье имелась золотая ложка, унаследованная от предков. Она принадлежала моему деду Николе, инициалы которого и носила, затем досталась одному из моих дядьев и, наконец, мне. И она не была похожа на ложку из русской поговорки, которой уплетают икру. Наша ложка была заостренной, один ее край был остро заточен, так что в случае необходимости ее можно было использовать вместо ножа. У нее, как у курительных трубок из морской пенки, имелся кожаный футляр с латунной кнопкой. И она десятилетиями лежала в одном из выдвижных ящиков.

Перед последней войной, когда услуги ювелиров в Белграде еще пользовались спросом, я отнес ложку к одному из них. Нужно было обновить стершуюся монограмму. После того как дело было сделано, я не вернул ложку на ее обычное место. Я решил ею пользоваться. Не исключено, что я просто предчувствовал те страшные беды, которые вскоре должны были обрушиться на нас, и неосознанно захотел постоянно иметь этот золотой предмет при себе. В одном карма-ре я держал футляр с трубкой, а в другом – с ложкой. И всегда использовал ее, когда заходил куда-нибудь поесть, неизменно вызывая изумление официантов и посетителей. Как раз тогда я начал углубляться, если можно так выразиться, в дебри жизни, а, как говорят русские, чем дальше в лес, тем больше дров. В тот год мне исполнилось двадцать шесть, и я перестал читать книги. Кроме одной. Она была опубликована в 1892 году на немецком языке и называлась "Звездная мантия императора Генриха Второго"…

Вернемся, однако, к моей истории. У того самого ювелира, который занимался моей ложкой, я увидел исключительно красивый сейф австрийской работы конца XIX века. Он был цвета слоновой кости и

весил почти тонну. Замок по-прежнему работал отлично. На мой вопрос, как к нему попала эта вещь, ювелир ответил, что скупка и перепродажа старых сейфов – это его страсть. Я побывал в его роскошном старинном особняке на Сеняке, где он показал мне три сейфа разных возрастов и размеров. Дверцы двух из них были распахнуты настежь, так что были видны их обитые бархатом внутренние стенки, третий сейф был закрыт. На его дверце было изображено большое золотое солнце.

– А что в этом, третьем? – спросил я.

– Этого никто не знает. Замок закрыт.

– Почему вы его не откроете? Подволакивая ноги, так что на земле остался след

в виде креста, ювелир отступил в сторону и сказал:

– Вы шутите? Этот сейф куплен без ключа, без ключа он и продается.

– Сколько он стоит?

– Столько же, сколько и другие.

– Не слишком ли для сейфа, от которого нет ключа? – спросил я, и он в ответ ухмыльнулся.

– Вовсе нет, – сказал он. – Подумайте сами, что обычно прячут в сейфе? Ведь вместе с сейфом вы получаете тайну. И кто может знать, что это за тайна…

– Беру! – воскликнул я, тут же расплатился и забрал сейф. Раздобыв динамит, я взорвал замок. Внутри было серебряное колечко с рубином и

еще два предмета, которые существенным образом изменили мою судьбу…

Кроме колечка я нашел в сейфе металлическую пластину и миниатюрную книгу в окладе из панциря белой черепахи. На пластине была выгравирована часть неба с созвездиями Льва и Рака. Возле каждой из звезд греческими письменами было обозначено слово, представлявшее собой, по всей видимости, название звезды, однако названия эти были вовсе не теми, общепринятыми, которые я давно знал. Похоже, что здесь я столкнулся с тайными альтернативными греческими именами звезд.

Книга в окладе из панциря черепахи была старой церковной рукописью, украшенной красными буквицами…

Женское колечко я надел на трубку, книгу поставил в свою библиотеку, а пластину носил с собой и время от времени рассматривал, обычно когда садился курить.

– Не содержится ли здесь какого-нибудь сообщения? – задавал я вопрос самому себе.

Несколько дней спустя мне вдруг пришло в голову, что названия звезд можно воспринимать как слова, из которых строится фраза. В таком случае небо становится своего рода букварем, пользуясь которым можно из звездных имен составить и прочесть какое-то послание. Но как? Я был совершенно несведущ в небесной азбуке.

Тем не менее мне удалось без труда вспомнить, что означает знак Льва, созвездие которого было изображено на одной стороне пластины.

Лев – это пятый знак Зодиака, и я родился именно под этим знаком. Он соответствует второму летнему лунному месяцу: с 22 июля по 23 августа. Этой группой звезд управляет Солнце. Лев относится к стихии

Огня, это мужской, позитивный и активный знак, ему свойственна устойчивость. Главная звезда его созвездия – Регул, королевская белая звезда, в два раза больше Солнца… Девиз этого созвездия таков: "Кто тебя вразумит и одарит способностью видеть небо, ход Солнца и рассматривать многие звезды и во всем этом, как в некоем многоцветий, усматривать дивную связь и разумное устройство? А ты против меня готовишь силки и сети".

Имея в виду, что уже одно только это достаточно загадочно, я поставил перед собой вопрос, каким образом и с какого края неба следует начать? От пасти, как будто Лев заглатывает имена звезд? Я попытался складывать текст, пользуясь словарем классического греческого языка. Ничего не вышло. Тогда я решил поступить наоборот, начать со звезды, которая сейчас называется Phegda и находится в хвосте Льва. Ее тайное греческое имя на пластине было Эпиманика, что означает "браслеты священника". Но из этого тоже ничего не получилось.

Тогда я попробовал обратиться к книге. Текст прочитать я не смог, он был написан церковной кириллицей на древнем книжном языке, который теперь не употребляется. Единственное, что мне удалось разобрать, были три записи на полях книги, сделанные, по-видимому, ее последними владельцами. Самая поздняя из них гласила: "Прочитал крест-накрест Миливое Илич, февруария первого, 1892". Вторая запись была сделана женской рукой: "Крестообразно исчитала 28 августа 862 года. Евангелина Исид, живописец". Третья запись оказалась самой длинной: "Вычитал дважды крестом и западно и отыскал все кресты подпоручик Алекса Вуич на Богоявление 67 года".

Ничего не поняв и в этом, я отнес книгу одному своему другу, который работал в архиве. С первого же взгляда он определил, что перед нами один из ранних списков текста Деспота Стефана Лазаревича (1427). В книжечке наряду с его "Словом любви" было и еще что-то, похожее на свод законов. Заканчивалась рукопись каким-то переводом с греческого.

– А что означают эти записи? – спросил я его.

Он внимательно прочитал их и объяснил мне следующее. Есть разные способы читать книги. Некоторые из них – тайные. К ним, в частности, относится и "расчитывание" или чтение "крест-накрест" (иногда это называется и чтением "по знакам"). Книга, которая выглядит так же, как любая другая, иногда скрывает в себе тайное послание, которое можно разгадать крестообразным прочтением. Это означает, что на странице следует прочесть среднее слово сначала верхней строки, затем нижней, а после этого первое и последнее слово средней строки. Так получается крест. Есть мастера чтения "крест-накрест", которые могут таким способом очень быстро пролететь по всей книге. И если вот так, взглядом, перекрестить каждую страницу, поймешь скрытое послание, которое в своей книге хотел передать автор. Если он унес его с собой в могилу, нужно искать дальше, пока не найдешь другое тайное послание в другой книге...

Произнеся эти слова, мой знакомый засмеялся, а я про себя подумал: "Смейся, смейся, я найду".

За дело я взялся серьезно, и клубок начал разматываться. Сев за "кресточтение", я пролистал всю книгу, выписывая слова, составлявшие крест. Получился следующий текст:

"Тот, что в (священнических) браслетах, знает, что среди человеческих снов есть Сон гораздо более важный, чем все те, которые приснились и не приснились до сих пор на Земле. Это самый старый и единственный действительно значимый сон. Этот Прасон называется "Восьмой мост". Он представляет собой груду камней, несколько наваленных бревен и рядом с ними ручей..."

Вот что я смог вычитать из первой части рукописи. Вторая часть (та, где речь шла о рудниках) содержала следующее сообщение:

"Камни и бревна держит в воздухе не земное, а небесное притяжение. Они парят над землей, так что любой из них можно переместить, не обрушив при этом остальные. Под ручьем можно пройти как под мостом. Это и есть тот самый Восьмой мост, который связывает Небо и Землю. Он давно разрушен и существует только во снах людей.

Чуть дальше ручей превращается в водопад, но вода здесь падает не вниз, а вверх, к Небу и звездам. По этой воде, как по мосту, можно перейти с Неба на Землю. Тот, кому приснится этот сон, пусть поднимет руку, пусть зачерпнет во сне немного той воды и ею напьется. И тогда он сможет спуститься. Сможет вернуться с Неба на Землю".

И наконец, из перевода с греческого при чтении "крест-накрест" я узнал следующее:

"Мало кому дано увидеть Сон всех снов, Сон надо всеми снами, но и им не ранее того, как будет подан знак".

Тайные послания много дней и недель не выходили у меня из головы. Никогда раньше не снился мне Сон всех снов, описанный в книге и вписанный между звездами, а теперь мне стало казаться, что, может быть, я смогу его увидеть. Однако вместо него мне пару раз приснился какой-то парк за воротами из кованого железа и в парке, на белой скамье, бритая наголо девушка, надушенная духами unisex "Black Bvlgari".

– Значит, пока ничего, – заключил я.

Тем не менее я начал жить более осторожно, стараясь не упустить какой бы то ни было знак, который указывал бы мне на приближение Сна. Или, по крайней мере, на такой поступок или поведение, которые способствовали бы моему приближению к Сну. Как-то раз я зашел в "Три шляпы". Сел на свое любимое место у окна, откуда была видна

булыжная мостовая Скадарлии, достал трубку, золотую ложку положил рядом с тарелкой. Заказал фасоль с копченой грудинкой и салат, заправленный чаем. При этом я все время невольно поглядывал через окно ресторанчика на улицу. Непонятно почему мне вдруг показалось, что сижу я вовсе не в Белграде, а ем заказанную фасоль где-то в Шабаце. В очередной раз бросив взгляд наружу, я готов был поклясться, что за занавесками проглядывает площадь перед шабацкой церковью. И, сколько бы раз ни смотрел в окно, я ясно видел одно и то же: Скадарлии и ее мостовой не было и в помине, передо мной открывался вид на залитые солнцем площадь и церковь в Шабаце. Когда все вернулось на свои места, я вышел из ресторанчика, прошел по скадарлийской мостовой и вернулся к себе домой. Вечером я лежал, обдумывая случившееся, и слушал, как удары стенных часов отстают от ударов моего сердца.

"Да, тут не обошлось без какой-то чертовщины, – подумал я наутро. – Придется брать дело в свои руки".

Я сел в машину и отправился в Шабац. В ресторане на площади заказал фасоль с копченой грудинкой и салат, заправленный чаем. Достал золотую ложку и принялся за еду. Посреди обеда я вдруг бросил взгляд в окно и окаменел. Снаружи, там, где должна была быть местная площадь, я увидел какую-то реку, а на месте церкви мост. Мост был прекрасно виден. И он даже показался мне знакомым. Перед мостом, как это обычно и бывает, стоял дорожный указатель. Но не на сербском, а на немецком языке. И тут меня осенило:

– Так это же Гейдельберг! Ведь я здесь когда-то учился!

Даже теперь не могу вспомнить, как я добрался из Шабаца домой, в Белград, и когда и как решил поехать в Гейдельберг. Тогда еще летали самолеты и все было совсем не так, как сейчас, когда на вопрос: "Как дела?" – тебе могут ответить, что спрашивать такое бестактно, или вообще отбрить: "Сегодня лучше, чем будет завтра!"

В Гейдельберге у меня была одна приятельница, и, когда я ей позвонил, мы договорились встретиться в ресторанчике "У моста". Я пришел туда несколько раньше назначенного времени, потому что она обещала присоединиться ко мне после ужина. Я уселся возле того самого всем известного окна, в котором один из знаменитых гейдельбергских профессоров, не помню точно кто, кажется, это был какой-то русский по фамилии Чижевский, однажды увидел дьявола. Позже он всегда видел его в этом окне и даже показывал коллегам, которые сидели с ним вместе, но никогда там не замечали ничего похожего. Я вытащил из карманов трубку и золотую ложку, потом открыл меню. Раскурил трубку, колечко с рубином зазвенело, как бубенец.

"Прямо как на ипподроме", – подумал я. И принялся выбирать, на какую лошадь поставить. Начать с чечевицы в глиняном горшочке, которую здесь готовят просто превосходно, я не решился. И разумеется, спросил фасоль с копченой грудинкой и салат, заправленный чаем. Ведь ради этого я сюда и приехал. Сижу ужинаю, посматриваю в окно. Там по-прежнему виден гейдельбергский каменный мост. Тут до меня начинает доходить, что на этот раз я, кажется, промахнулся.

"Что еще за чудеса навыворот? – подумал я. – Выходит, нечего было ехать в такую даль. Эта фасоль мне дорого обойдется".

Тут вместо дьявола в окне мелькнула моя приятельница, через секунду она уже сидела рядом со мной, запыхавшаяся, с чуть-чуть улыбки на губах и чуть-чуть ветра в слезах. На шее у нее висели изумительной красоты мужские карманные часы.

– Какие у тебя красивые часы, – обратился я к ней.

– Хочешь – возьми, – предложила она, открыла крышку и напудрила нос. Это была пудреница, которая выглядела как часы. – А у тебя красивое кольцо на трубке, – продолжила она.

– Хочешь – возьми.

– Нет. Если бы ты собирался мне его подарить, то не стал бы ждать, пока я скажу то, что сказала.

Она поцеловала меня пахнувшими дымом губами, мы заказали пиво, и я принялся описывать ей свои беды. Те, что были связаны с окнами. Но про книгу умолчал. Рассказав ей обо всех этапах путешествия – от ювелира до Скадарлии, от Скадарлии до Шабаца и от Шабаца до Гейдельберга, – я не удержался от комментария:

– То, что происходит со мной и со всеми этими окнами, не имеет никакого смысла.

Она расхохоталась и сказала: – То, что происходит с тобой, объясняется предельно просто. Это так же просто, как Serbische Bohnensuppe. Давай посмотрим с точки зрения теологии. Дьявол – это прошлое и, кроме того, разумеется, актуальная реальность человечества. Единственное, где его нет, – это в будущем. Там один только Бог. В будущее дьявола вводит человек, постепенно, шаг за шагом. Если через это окно можно увидеть дьявола, то есть прошлое, и, что теперь уже стало нормальным, настоящее, то почему же при определенных обстоятельствах нельзя увидеть и будущее? Я думаю, что через окна, о которых ты рассказывал, ты видишь свое будущее. Что же касается смысла, то неужели ты настолько глуп и надеешься, что будущее имеет какой-то смысл. Давай лучше пойдем отсюда…

В ту ночь, лежа возле своей подружки, я снова увидел во сне какой-то парк за воротами из кованого железа и в парке на белой скамье бритую наголо девушку, надушенную духами unisex "Black Bvlgari". На следующий день, пока моя приятельница была на работе, я слонялся по Гейдельбергу, убивая время до поезда, на котором собирался вернуться домой. Я поднялся к дворцу, потом отправился вниз пообедать в ресторане "У моста".

И тут произошло настоящее чудо. Я вдруг вспомнил, что и в Белграде, и в Шабаце заказывал фасоль вовсе не на ужин, а на обед. Днем, а не вечером. Так что я снова попросил принести мне фасоль с копченой грудинкой и салат, заправленный чаем. То же самое, что и в начале пути, в ресторанчике "Три шляпы". Стоило мне прикоснуться к еде, как мост за окном исчез, пропала река, и я почувствовал, что блюдо, которое я ем, называется вовсе не Serbische Bohnensuppe, а la faseole и сижу я не в Гейдельберге, а где-то во Франции. Через окно был хорошо виден парк за красивыми воротами из позолоченного кованого железа. Он весь был залит солнцем. И тут, если можно так выразиться, наяву, я сразу же узнал, что это за парк и где он находится. Это был парк Monceau в парижском XVIII арондисмане…

У меня не было времени попрощаться с моей приятельницей, потому что откуда мне было знать, в каком ритме тикает время в тех ресторанных блюдах, которые являются горючим, приводящим в движение мотор будущего. Поэтому я спешил. И именно поэтому заскочил в магазинчик, где продавали крохотные игрушки из хрусталя. Я купил одного стеклянного льва с зелеными глазами, индейца с пером, прозрачного буйвола и двух крылатых Эросов. Все это я положил в джутовый кисет и оставил в квартире своей подруги. Если расположить эти фигурки в правильном порядке, то по этим стекляшкам можно прочитать любовное признание на ее родном языке: "Liebe".

Днем позже я уже был в Париже и сразу же снял в XVIII арондисмане комнату, оклеенную синими обоями с золотыми розами. После этого я помчался в расположенный поблизости парк Monceau, но он в тот день оказался закрыт. Пришлось мне прийти туда еще раз. На следующий день я избежал сделанной однажды ошибки и заказал фасоль в ближайшем к парку кафе не на ужин, а днем, на обед. Итак, я сидел в парижском кафе неподалеку от парка Monceau, ел золотой фамильной ложкой фасоль и заправленный чаем салат и нетерпеливо поглядывал за окно. Но там по-прежнему находился вышеупомянутый парк, а вокруг него лежал, купаясь в солнечном свете, парижский XVIII арондисман. И только после того как я наконец-то вошел в парк и двинулся по главной

аллее, мне стало ясно, что мое предприятие потерпело крах. В парке Monceau ничего не произошло. Ни в этот день, ни назавтра. Ровным счетом ничего такого, что хоть как-то походило бы на какой-нибудь знак, предвестие, знамение или, по крайней мере, предупреждение о том, что Сон всех снов приближается. Несколько следующих дней я просидел в том же кафе, поедая фасоль и салат, заправленный чаем, а потом и все остальное, что значилось в меню. Безрезультатно. За окном кафе виднелось только то, что там, за окном, в действительности и находилось, то есть тот же самый парк.

Потеряв всякую надежду и оставшись без денег, я продал фамильную золотую ложку, вошел в этот проклятый парк и сел на одну из белых скамеек, не представляя себе, что делать дальше. Мой путь окончился тупиком. Все потеряло смысл. Я уперся локтями в колени, сложил перед лицом ладони, как во время молитвы, и засунул оба указательных пальца в нос. Неужели все это мне просто пригрезилось?

Рак

Действующие лица:

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША в ходе разговора достает курительную трубку и раскуривает ее. На трубку надето женское кольцо с рубином.

ПОЖИЛОЙ ГОСПОДИН с подстриженной серпом бородой и седыми волосами цвета лунного света. Лицо у него в едва заметных оспинах.

ДЕВУШКА острижена наголо, ее запах "Black Bvlgari" unisex.

Действие происходит в парижском парке Monceau и в ближайшем к нему отеле. В парке на белой скамье сидит очень красивый юноша. Он уперся локтями в колени, ладони сложил перед лицом, как во время молитвы, а оба указательных пальца засунул в нос. По дорожке идут девушка и пожилой господин, они замечают его, проходя мимо,

перешептываются, затем возвращаются, пожилой господин снимает шляпу, и они садятся рядом с юношей.

ДЕВУШКА

Позвольте представиться. Этот господин – писатель, иностранец, он ни слова не понимает по-французски, я его переводчица. Правда…

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Правда?

ДЕВУШКА (нерешительно, застеснявшись)

Правда, скажу вам по секрету, поговаривают, что он просто переписывает чужие романы. Но я в это не верю. Я верю в него. Этот господин делает для меня очень много, без этого я бы просто пропала в этом мире, где все так стремительно летит куда-то вперед. А я, я люблю иногда и возвращаться. Господин хотел бы обратиться к вам с одной просьбой.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Да?

ДЕВУШКА

Нет, нет, вы не поняли! Мы с господином вовсе не любовники.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Нет?

ДЕВУШКА

Нет! Между нами существует нечто вроде приливов и отливов взаимной притягательности, но не более того. Любой прилив тут же сводится на нет отливом. Все дело в этом-то и заключается! Кто вы по знаку?

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Лев.

ДЕВУШКА

Вы не из нашей истории, но могли бы нам помочь.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Где?

ДЕВУШКА

Где – это не проблема. Проблема – как.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Вот так? А вы кто по знаку?

ДЕВУШКА

Рак.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Cancer. Ректосценция альфа: 09 h, граничное значение 7*55м – 9*20м, деклинация дельта, среднее значение +20. Знак самой чистой воды. Четвертый по порядку среди знаков Зодиака. Это в первом летнем лунном месяце, точнее, с 21 июня до 22 июля. Здесь господствует Луна. То есть вы – знак стихии Воды, женский, пассивный и кардинальный знак. Ваше любимое растение – кувшинка. Ваще зодиакальное созвездие находится к северу от небесного экватора… Девиз этого созвездия: "Как щедрое дерево плодоносное и родной сад господский, корень она девичий и ствол. Все узлы хитросплетенные в руке ее, глазами запутывает пути юношам. Но земля ты, не вода и быстротечное вино…"

ПОЖИЛОЙ ГОСПОДИН (аплодирует)

Браво! (Долго что-то шепчет на ухо девушке, и она тоже на ухо и быстро, переводит его слова очень красивому юноше.)

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Я вас, а вы его? И притом одновременно? Нет.

Девушка опять получает шепотом инструкцию, которую шепотом же сообщает юноше.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Он вас, а вы меня? Не-е-ет.

ДЕВУШКА (выслушивает следующее предложение шепотом и громко отвечает пожилому господину).

Не может быть и речи!

Пожилой господин снова ей что-то шепчет, она хочет прошептать перевод на ухо очень красивому юноше, но он успевает раньше.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Да знаю, знаю. Я вас, а он меня. Или я и вас и его! Не может быть и речи!

ДЕВУШКА (новое предложение шепотом, которое она переводит).

Господин предлагает: я его, а он вас.

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

А что если он и вас и меня?

ДЕВУШКА (растерянно переводит. Пожилой господин аплодирует и шепчет ответ, который девушка переводит).

А нет ли у молодого человека еще какой-нибудь комбинации?

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Есть.

ДЕВУШКА

Какая же?

ОЧЕНЬ КРАСИВЫЙ ЮНОША

Вы принимаете от меня в качестве компенсации за ваши труды с этим господином небольшой подарок. Я хочу дать вам это кольцо с моей трубки.

ДЕВУШКА

Кольцо? Мне?… Догадываюсь, что придется делать!

Юноша надевает ей на палец кольцо с рубином и что-то шепчет на ухо. Она смущенно и медленно встает со скамейки и идет по дорожке к выходу из парка. На скамье остаются пожилой господин и очень красивый юноша. Мгновение неопределенности. Юноша тоже встает, снимает в знак приветствия шляпу. Он присоединяется к девушке, берет ее под руку, и они уходят вместе, оставляя пожилого господина на скамейке в одиночестве. Несколько позже в будуаре с сине-золотыми стенами происходит любовная сцена, после чего очень красивый юноша и девушка засыпают. Потом она просыпается и рассказывает свой сон.

ДЕВУШКА

Мне снилось, что камни и бревна парят в воздухе так, что камень можно потрогать снизу, а под ручьем пройти как под мостом. Немного дальше ручей превращается в водопад, но вода в нем падает вверх, к небу и звездам. Во сне я подняла руку, зачерпнула немного воды из ручья, с самого его дна, и напилась…

СКОРПИОН И ВОДОЛЕЙ

Скорпион

Во времена и во дни благоверных и всеблагих, христолюбивых и самодержавных деспотов Стефана и Грга, в месяц черешняр, в Звижде, где Дунай слышен ночью, а луна никогда не видна, паромщика Прохора Гомаца застигли в блудодеянии, к которому он склонил дочь Челядина

Авранезовича, а на члене Прохора был надет огромный печатный перстень с выгравированной буквой Г. В наказание и чтоб больше не соблазнял женщин, этот самый перстень вдели ему в нос, как вдевают кольцо в рыло борову. Отобрали штаны и охотничий нож с ручкой из заячьей ноги и голого выгнали из села.

– Сколько раз ты была с ним? – озабоченно спросил после этого отец, Челядин Авранезович, свою дочь Филиппу, у которой Гомац был первым и, как она верила, последним. Она солгала, что была с ним только один раз. А на самом деле – два.

В первый раз, как-то утром, Прохор спросил ее, проходя мимо:

– Ты коз доить умеешь?

– Умею, – храбро ответила Филиппа.

– А козлов доила?

На это Филиппа опустила глаза и утвердительно кивнула.

– Меня не подоишь? – спросил Гомац, и она доила его до тех пор, пока из него не потекло молоко.

– Что это? – спросила она.

– Семя.

– А где же пашня?

– Ты моя пашня. Женщина – это пашня. Женщина – это и кровь, и молоко. Враждующие кровь и молоко. Несмешивающиеся. Только мужское семя может их примирить и смешать. Я покажу тебе как.

Тут Гомац надел на свой член огромный перстень с печатью и лишил ее девственности…

Так это было в первый раз. Во второй раз их схватили и разлучили. С тех пор каждый вечер, вместо того чтобы есть, Филиппа безутешно проливала слезы по своему любимому. Сначала она их выплакала в горшок с ухой, назавтра в миску с тушеными овощами, потом в хлебную похлебку с луком и, наконец, в кашу с творогом. После чего однажды вечером вытерла косой слезы, поела крапивы, сваренной с бараниной, и решила написать своему возлюбленному письмо. Филиппе Авранезович лет было столько же, сколько у человека пальцев на руках и одной ноге, и ей все еще снилось, что она сосет грудь своей матери, наяву давно уже покойной. Девушка была красивой, как пасхальное яичко, и неграмотной, правда из песен, которые ей напевала бабка, она знала, что вообще-то довольно грамотные князья и княгини, а иногда даже и просто влюбленные парни и девки пишут друг другу письма или "маленькие книги", как их называли в народе. А так как вспоминала Филиппа об этом чаще всего уже в постели, перед сном, однажды ночью ей приснилась святая Пятница, которая пришла в монастырь Далша и по какой-то огромной книге за одну ночь научила Филиппу читать. И перед пробуждением пообещала, что за следующие ночи научит ее еще и писать.

Не веря своему счастью, Филиппа с утра пораньше побежала в монастырь и до тех пор надоедала одной из инокинь, которая прислуживала жившим в монастыре писцам, пока та не отвела ее в небольшую келью на монастырском постоялом дворе. Тут она показала ей разные приспособления для письма, перья, ножи, чернила, чистую и исписанную бумагу. Все это инокиня подготавливала к работе в сенях кельи, в которой дьякон с Афона занимался переписыванием книг. И в это время прямо здесь, в сенях, произошло нечто страшное, нечто одновременно и восхитительное, и поразительное.

К великому изумлению и монахини, и самой Филиппы Авранезович (трудно сказать, кто удивился больше), девушка вдруг совершенно свободно прочитала фразу из рукописи:

"Но согласие тьмы к свету не едино же, ни причестия верна с неверными".

Поняв, что она теперь умеет читать, Филиппа как зачарованная принялась зачитывать все подряд, а когда ей попалась история о первых любовниках, Адаме и Еве, она не смогла бросить чтение до тех пор, пока не добралась до конца. Напуганная всем этим, она расплакалась, но инокиня утешила ее и отвела домой.

С тех пор Филиппа каждую ночь молилась о том, чтобы святая Пятница снова пришла к ней во сне и научила ее писать. Но святая Пятница не приходила. Девушка снова побежала к инокине в монастырь Далаша и спросила ее:

– Я так хочу научиться писать. Почему святая Пятница больше не приходит ко мне во сне?

– Все мы слуги греха, и многое знать нам не дано, – ответила ей монахиня. – Святая Пятница видит будущее, а мы его не видим.

Так что Филиппе оставалось только по-прежнему мысленно сочинять по ночам в постели одно и то же письмо своему изгнанному любовнику. Письмо это было об Адаме и Еве, то есть о Филиппе и ее бесценном красавце, который, тоже неграмотный, скитался по свету с кольцом в носу.

"Бог сотворил нас соединенными в одно существо, – так в мыслях писала она ему, лежа в своей постели. – Он создал нас как одно существо, а потом, чтобы этому существу не было одиноко, разъединил нас. Тогда появился змей и начал нас искушать. Мы жаловались на него

Богу, но он сказал: "Сатана за свои дела ответит сам, вы же смотрите за своими". Тогда еще не было известно, кто какого пола. Не было известно, ни кто ты, ни кто я, то есть тогда еще не различали, кто Адам, а кто Ева, кто из нас двоихмужчина, а кто женщина. Сатана нас уговорил откусить от яблока, от плода с древа познания добра и зла. Тот из нас, кто первым откусил от яблока и сделал в нем отверстие, стал Евой, – это была я, а тот, кто откусил после меня и добрался до семян яблока, стал Адамом – это был ты, любовь моя. Неужели мы разлучены навек?..."

– Нет! – воскликнул с порога Прелюб Авранезович, сын Челядина и брат Филиппы, который, вернувшись с войны, как раз в этот момент появился в дверях и как будто прочитал мысли своей сестры. Его неожиданное возвращение перепугало и Филиппу, и отца. Прошло полтора года с тех пор, как Прелюб отправился наемником в Валахию, и вот теперь он вернулся весь в ранах, совсем непохожий на того, каким был, когда его провожали на войну. Где-то в Трансильвании его изрубили саблями, и теперь отец и сестра не знали, вернулся ли он домой вампиром или живым человеком. С ужасом поглядывая на него, заварили ему чай из боярышника, а Скоромник (так его прозвали монахи из местного монастыря за то, что он никогда не постился) уселся под полку с горшками, горячий, высохший, как кизиловая палка, с изуродованным глазом. Сидит и слушает огонь в очаге. Считалось, что он понимает язык огня. Так же, как некоторые люди распространяют вокруг себя запах, он распространял страх. Неожиданно Скоромник испустил свист длиной в пять аршин и заговорил:

– А что если я расскажу вам один сон? Правда, на войне видеть сны нежелательно. Отчалишь в сон, отгребешь на версту, а пока вернешься, можешь распрощаться с головой, и тогда уж, как ни крути, для тебя нет пробуждения. Мы и обедали, и ужинали на ходу, в бою, не прекращая резни. Поэтому на войне я предпочитаю не спать, а плавать по чужим снам. Вот в одном таком чужом, не знаю даже чьем, сне приснился мне наш дом и этот очаг, и я подивился, откуда в чужом сне, да еще в Валахии, взялся наш дом и этот очаг. Как бы то ни было, приносят мне и

вручают, там же, во сне, какое-то зеленое письмо, прошитое желтой ниткой. И говорят, что в нем – хочешь верь, хочешь не верь – содержится большая тайна. Сунул я его на полку между этими горшками и сковородками и вынырнул из чужого сна. Только оказался в яви, как вспомнил, что забыл во сне зеленое письмо. А коль сон этот был чужим, как же мне опять в него попасть? Как найти и сон, и письмо в нем, если сон чужой? Тут вспомнил я, что сон был соленым, как морская вода, и быстро-быстро, чтобы успеть, пока окончательно не пришел в себя, поплыл, высунув язык, подряд по всем снам, отыскал-таки полку с горшками и сковородками и взял зеленое письмо. Сорвал печати, распорол желтые нитки, и из письма выпала большая тайна. Стал читать, а как раз из письма-то и видно, что сон чужой и что на самом деле в этом сне читает кто-то другой, ведь я, как вы знаете, читать не умею. Так вот, в письме этом ясно написано, что в Голубацкой башне, в покоях у воеводы, то есть у кира Еремии, над постелью есть стекло, чтоб в него смотреться, в углу висит икона святой Параскевы, а под полом клад спрятан. Если встанешь так, чтобы в стекле отразилась икона, значит, ты на том самом месте. Ногами через половик почувствуешь крышку, под которой горшок с дукатами… Да только все равно добраться до этих денег не так-то просто. Чтобы сокровищем завладеть, надо сперва убить воеводу Еремию. А воевода хитер, как иссоп, мудрейшая из трав. Ни венгры, ни сербы, ни турки не знают его мыслей. Люди говорят, что всегда, и за обедом и за ужином, кушанья ему накладывают в желтую миску из обожженной глины, и миска эта синеет, если в еду подложен яд. Так что никто из мужчин не может жизни его предел положить…

С этими словами брат перевел тяжелый взгляд на Филиппу и продолжил:

– Но, правда, для хорошо подученной женской прислуги это труда не составит, особенно если принять во внимание, что Еремия любит, чтобы за его бельем и одеждой смотрели женщины помоложе да покрасивее, и именно такие всегда крутятся возле его постели… Я все это знаю потому, что и сам нанялся служить к воеводе Еремии. И сумею

ему пригодиться. А уж если я днем присмотрю себе яблоко, то ночью без труда его камнем собью. Пригожусь я и вам двоим. Смотри, Филиппа, для твоего же блага стараюсь!

Тут у Филиппы от страха порвалась в руках нитка, которой она шила. А брат подошел к ней и прошептал: – Я знаю такое, что тебе и не снилось, Филиппа. Потому что умею видеть через семь мраков. В этой стране мы защищаем двух враждующих деспотов, и никогда не разберешь, за кого из двух турецких царей выступают люди, против которых ты бьешься. Одни говорят, что они за этого – царя Мусу, другие, что за того – царя Сулеймана. Вот и смотри, к какой стороне прибиться. А еще венгры, того и гляди, перейдут реку. С ними придет из Валахии голод. Так что сюда может нагрянуть любое войско, и легче огонь спрятать в соломе, чем женщине укрыться от вооруженных людей. Сама знаешь, на что они способны. Придется соглашаться и на то, что выше твоих сил. Вот и выбирай. Хочешь оставаться здесь, под ними, а они будут со дня на день, самое позднее через год, потому что венгры уже строят святому Владиславу крепость по ту сторону Дуная? Или подашься к господину Еремии, в башню на Голубаце, в его шелковую постель. А всему остальному я тебя научу. Так же, как меня научил арабский лекарь Яшкура.

После этого Скоромник Авранезович запер свою сестру Филиппу на ключ в горнице, сказав ей:

– Сестра моя невеста, придется тебе два дня и одну ночь потерпеть без еды да воды. Позже все поймешь. А пока не скучай.

И протянул ей маленький коробок, сплетенный из ивовых прутьев, какие обычно делают, чтобы держать в них сверчков. И в этом тоже сидел сверчок. Кроме него Филиппа нашла в коробке еще три небольших подарка, которыми брат решил развлечь ее. Желтую губочку – чтобы стирать пот, рыжую губочку – утирать слезы и крохотную книжку, заполненную крупными разноцветными письменами. Оклад ее был сделан из панциря белой черепахи.

"Наверняка он украл все это", – подумала Филиппа и разрыдалась. Она услышала, как вместе с ней во весь голос запричитал в коробке сверчок, потом отерла желтой губкой слезы и, лежа в постели, взялась за книгу. Текст она складывала по слогам вслух:

Лето и весну Господь создал,

о чем и псалмопевец рассказал,

красоты в них многие,

для птиц быстрый,

веселья полный лет

и для гор вершины,

для лугов пространства,

для полей широту;

воздуха тонкого

дивными какими-то

голосами оглашение;

и земные дароносы

ароматных цветов и травоносные;

но и человеческой сущности самой

обновление и веселие

достойно кто выразит?…

На дворе стоял мрак, такой густой, что сунь в него палец, останешься без пальца, сверчок пел в своем заточении, а Филиппа читала как зачарованная и не могла оторваться от этого чтения. Звучание каждого слова принимало форму ушной раковины и плотно обволакивало ее. Два страха – один из тела, другой из души – следили за ней, и она не решалась прервать свое чтение по складам. Филиппа боялась, что стоит ей умолкнуть – и она потом не найдет того места, на котором остановилась, не найдет больше своего голоса, если замолчит. Так, продолжая читать все дальше и дальше и надеясь, что скоро доберется до конца, Филиппа, так и не добравшись до конца, обмочилась прямо в кровати…

На третье утро Скоромник Авранезович принес своей сестре Филиппе, бледной после двух дней, проведенных без сна и еды, лилию и живого скорпиона в стеклянном стакане от кадила.

Он рассказал ей:

– Ты родилась в средний осенний лунный месяц, под восьмым зодиакальным знаком, то есть Скорпионом, где Марс, бог войны, находится в своих владениях. Здесь он господствует. Скорпион относится к стихии Воды, это женский знак. Солнце проходит через твой знак с 23 октября по 21 ноября. Главная звезда твоего созвездия KiffaBorealis (Beta Vega), это "дьявольская ступень". Вырезанный знак скорпиона ты видела на деревянных печатях, таких, как просфорник… А девиз твоего созвездия такой: "Он одевается светом, как ты платьем, пусть же оденет и нас! Что в нем кто найдет, пусть расхватывает и растаскивает".

– А здесь живой скорпион. Представь, что это воевода Еремия. И представь, что стекло – это губы Ере-мии. Теперь поцелуй его.

Тут Скоромник Авранезович намотал косу сестры себе на руку и заставил ее плюнуть в стакан со скорпионом. Почти тотчас же скорпион от слюны Филиппы издох.

– В этом и кроется твоя сила, – сказал брат насмерть перепуганной Филиппе. – Теперь стоит тебе поголодать, как твоя слюна станет ядовитой. И будет оставаться ядовитой до первого глотка воды или вина. Но эту силу ты можешь обрести снова, как только пожелаешь. Я отведу тебя в Голубацкую башню, а ты попросись, чтобы тебя как белошвейку приставили к воеводиной постели, – ты красивая, понравишься ему. Сама знаешь, плохо прикрытая женская улыбка стоит больше, чем та, которую трудно разглядеть. Не забывай об этом. Еремия наверняка примет тебя на службу. Ничего не бери в рот два дня и одну ночь, а когда после этого поцелуешь его – сдохнет, как этот скорпион. Дальше все ясно. Все будет как во сне. И помни, что говорят греки: в жизни самое важное дело – это смерть…

Водолей

Однажды утром, накануне дня святого Илии, монахи из монастыря Далше нашли на берегу Дуная молодого парня, голого, красивого и окровавленного, – он лежал без сознания неподалеку от монастырского постоялого двора. Обмыли его ракией, увидели, что в носу у него кольцо, как у борова, и по этому кольцу поняли, что парень этот из тех, кто бегает за чужими юбками. Дали ему рубаху и пустили переночевать на конюшне, а наутро один инок со Святой Горы посоветовал ему не пытаться самому избавиться от кольца, потому что можно остаться без носа… Парень с ужасом смотрел на склонившееся над ним лицо инока с улыбкой, полной зеленых, красных и синих зубов, в которых писарь, сам того не замечая, ковырял пером, украшая заглавия книг.

– Иди вдоль Дуная, пока не дойдешь до первого источника, – говорил ему монах. – Рядом с колодцем увидишь кузницу, а в ней кузнеца, который умеет снимать кольца таким, как ты, и при этом не развороти нос. Когда нос заживет, отпусти усы, и никто не увидит, что ты меченый. А теперь иди с Богом и впредь держи ум в сапогах.

– Что держать в сапогах? – недоуменно спросил парень, хотя как раз сапог-то у него и не было, и тут же замолчал, потому что даже эти несколько слов дались ему с трудом. Инок ответил:

– Здесь, как проголодаешься, нет для тебя ни постоя, ни добычи…

На расстоянии человеческого голоса от Голубацкой крепости, вниз по течению, есть на Дунае теплый источник. За упокой чьей-то души здесь устроен питьевой фонтанчик. Трубка фонтанчика, сделанная из меди в форме мужского члена, выбрасывает вверх струйку теплой воды. Золотистая верхняя часть всегда мокрого фонтанчика, отполированная прикосновениями многих жаждущих губ, сияет на солнце. А в те ночи, когда нет лунного света, женщины, страдающие бесплодием, тайком пробираются к нему, чтобы воспользоваться теплой водой как целебным средством, но принимают ее не в рот, а так, как приняли бы мужчину. Потому что женщина испытывает не только ту жажду, какую испытывает мужчина, но еще и другую.

Вот здесь-то, в кузнице возле источника, однажды утром парню сняли с носа кольцо, он умылся и напился воды из фонтанчика. На следующую ночь он пошел в лес, прислонился спиной к дереву, обхватил его руками у себя за спиной и устремил взгляд к звездам. Так он изгнал из себя злую силу и боль.

К зиме у него выросли густые черные усы, которыми он мог чесать нос, шевеля ими и вправо, и влево. Он снова был так же красив, как прежде, но без гроша в кармане. Ночевал он в одном из домов под крепостной стеной Голубаца, на чердаке, в старом деревянном корыте

для замешивания теста. Лежа в темноте, он слушал, как за стенами дома, в ночи, на морозе, трещат и лопаются от холода оставшиеся на ветках яблоки. Как-то вечером он проснулся, почувствовав на своем лице сквозь ледяной лунный свет чью-то улыбку. Открыв глаза, он увидел в углу возле печной трубы прислонившегося к ней человека.

– Как тебя зовут? – спросил незнакомец.

– Прохор, – ответил парень и только после этого испугался, но незнакомец сделал ему знак продолжать спать. И забормотал что-то, что Прохор едва слышал сквозь дрему, хотя, судя по всему, это бормотание имело к нему прямое отношение:

– Ты родился во второй зимний лунный месяц, под одиннадцатым знаком, это знак Водолея. Его созвездие расположено вблизи небесного экватора. Оно находится во власти планеты Уран, и его кольцо оставит на тебе след. Солнце проходит через твой знак с 20 января по 18 февраля. Ты прославишься, если переживешь свой 25-й год, но не сразу, потому что к вам, родившимся под знаком Водолея, принадлежащим к стихии Воздуха, знаком мужским, активным, слава приходит медленно… От воды жди и самого хорошего, и самого плохого. Ты будешь удачлив во всех делах, связанных с водой, но и смерть твоя придет от воды. Умрешь ты без ран, лежа навзничь… Девиз твоего созвездия ясен: "И смерть и жизнь в языке. И та и другая быстро прорастают! Но один их сеет в свое тело, другой же – в свою душу…"

– Сам знаю, – сказал Прохор равнодушно, встал, потянулся и уступил незнакомцу нагретое место в корыте. Тот тут же захрапел, а Прохор тут же принялся обыскивать его карманы в надежде найти хоть немного денег. Но ничего не нашел и подумал: "Этот вроде меня – церковная мышь".

Обшаривая пришельца, он по его одежде догадался, что перед ним отслуживший свой срок солдат.

Поутру, как только незнакомец открыл глаза, Прохор заметил, что один глаз у него изуродован. "В одном глазу солнце, в другом – луна", – подумал Прохор и спросил:

– Как тебя зовут?

– Скоромник. Коротко и ясно.

После этого в знак благодарности за то, что Прохор пустил его переночевать в корыте, новый знакомец предложил ему подкрепиться на ближайшем постоялом дворе.

"Тут какая-то ловушка, – подумал Прохор. – Собирается угощать, а сам без гроша".

Тем не менее они отправились в корчму, до отвала наелись бараньих ушей с репой, а когда пришло время расплачиваться, Прохор начал бочком пробираться к выходу, собираясь улизнуть. Уже в дверях незнакомец схватил Прохора за плечо, засунул руку к нему в карман и, к его изумлению, вытащил оттуда серебряную монету. После того как он расплатился, Прохор спросил:

– Откуда у меня в кармане монета?

– Это мой серебреник, я подсунул его тебе, потому что знал, что ты обшаришь мои карманы, пока я сплю.

– А у тебя он откуда?

– Продал кое-что.

– Что же может продать отставной солдат?

– Тебя.

– С каких пор я столько стою?

– По мне, так ты столько и не стоишь, но такой, как ты, нужен воеводе Еремии. А я делаю для кира Еремии то, что ему нужно.

"Повезло мне", – подумал Прохор, который устал скитаться по чердакам.

Бывший солдат отвел Прохора в Голубац. Сначала они по крутым ступенькам поднялись ко входу в крепость. Оказавшись внутри, можно было увидеть, что в центре крепости стоял мощный донжон, со стороны Дуная крепость защищала башня с короткоствольными пушками, еще четыре башни охраняли ее со стороны суши. Покои воеводы Еремии, хозяина замка, смотрели на воду. В нижней части одной из башен, той, что рядом с крепостными воротами, Прохору отвели просторное помещение с большим очагом и постелью, накрытой овчиной. В углу стоял огромный медный таз для умывания.

– У тебя две обязанности: одна – на случай мира, другая – на случай войны, – сказал ему Скоромник. – В военное время ты будешь защищать Голубац на воде, потому что по ту сторону реки венгры уже сейчас грузят на лодки пушки, рассчитывая на такой поворот дела, когда им может понадобиться ударить по крепости с берега. И уж если они из этих пушек шарахнут, то не только у нас, но и у дунайских рыб все перед глазами запляшет. Ну а в мирные дни твоей работой будет проверять всякого, кто захочет наняться служить у воеводы в крепости. И мужского пола, и женского. С мужчинами ты и сам знаешь, как разобраться. Сообразишь. Однако особенно важно, чтобы ты внимательно выслушал, как следует проверять женщин. Прежде всего, следи, чтобы они не пронесли в воеводины покои яд, оружие или что-нибудь в этом роде. Потому что в основном у него там толкутся именно женщины. Господарь любит, чтобы его окружали портнихи и

белошвейки. И в этом вся загвоздка. В последние годы по Дунаю вместе с разными войнами и солдатами к нам пришли французская болезнь и испанский ветер, поэтому твоя обязанность завалить каждую новую служанку, прежде чем пропустить ее в воеводину постель. Твоя задача проверить ее, чтобы она не заразила кира Еремию какой-нибудь дрянью. Так теперь делают все господа. Все понял?

– Ничего я не понял, – ответил ошарашенный Прохор. – А чего же ты сам не делаешь для воеводы такую работу? – добавил он чуть погодя, в ответ на что бывший солдат дунул себе в ладонь и понюхал ее. Потом, прежде чем ответить, он бросил на Прохора короткий взгляд:

– Я для воеводы свое дело делаю. И для такой работы не гожусь, уж больно я уродлив, а господарь не любит, чтобы женщины пугались, перед тем как попасть в его постель, потому что тогда от их волос пахнет летучими мышами. Вот потому-то и нужен какой-нибудь чистенький красавчик вроде тебя, чтобы сначала он их распробовал, да притом еще так, чтобы они не верещали от страха… Киру Еремии нужен был кто-нибудь такой, от кого их не бросит в дрожь… Что до нас с воеводой, то с нас хватит и того, что мы немало мужчин по всему Дунаю приводим в трепет…

Так началась для Прохора новая служба. Сначала работы у него было немного. После того как он перепоясался и подкоротил свою щетину, оказалось, что он и правда красавец, волосы у него были как листья лавра, а среди дунайских лодочников он был одним из самых лучших, у него как будто заново открылись глаза. Один его глаз видел глубоко в нем самом, другой – далеко над водой. Он полюбил свою работу и жизнь в замке. Стал веселым, вокруг него всегда собиралась компания лодочников, гребцов, плотогонов, моряков с Понта и рулевых. Очень скоро он уже знал по имени всех на реке, у кого руки в мозолях от руля и весел. А о дунайских челнах ему было известно и такое, чего сам черт не ведает. С осени он брал какую-то синюю краску, которую сам делал, и впрыскивал ее в живые стволы деревьев. И по весне получал из них синюю древесину для постройки челнов, которые потом

никогда больше не надо было красить. Он любил компанию, и самым большим наказанием для него было одиночество. То, что зарабатывал, тратил легко и так же легко зарабатывал на все свои расходы. Хотя он умел развлекать собиравшихся вокруг него людей, ему удавалось сохранить в замке независимое положение. Парней, которые хотели наняться к киру Еремии, он всегда проверял одинаково. Сажал в лодку возле Голубаца, приказывал выйти на середину Дуная и спуститься вниз по течению. Тех, у кого потом хватало сил выгрести против течения и вернуться назад в лодке, он принимал на службу, тех же, кто приходил назад пешком, по берегу, он отправлял обратно в деревню, пасти скотину.

С женщинами, которые приходили искать работу в замке, то есть в покоях кира Еремии, он поступал по-разному. Каких только среди них не было. Были беженки с Метохии, из Турецкой империи, почти все от двенадцати до четырнадцати лет; были болгарки, некрасивые, но честные; были неловкие, но старательные немки из Трансильвании; а еще красивые и вороватые румынки и цыганки, ленивые и жадные. Одним он отказывал прямо с порога, другим на солнце смотрел в зубы, как лошадям, а что делал с теми, кого уводил в свою комнату с очагом и огромным тазом с крышкой, никто не знал. Известно было только, что кровать его обута в мужские сапоги и женские туфли и что для каждой девушки он приказывает сварить огромное количество чая из шалфея. Полный котел такого чая каждый раз доставляли к нему в комнату. Здесь девушки проводили с Прохором ночь, и если после такой проверки их допускали в покои к киру Еремии, то Прохор с ними больше никогда не имел дела и вообще не замечал их, как будто они не существуют.

Воевода Прохором был доволен. Два раза даже посылал ему кубок вина со своего стола. Оба раза, выпив вино, Прохор брал со дна серебряную монету, которую таким способом посылал ему кир Еремия, и через слугу возвращал кубок назад. Но не более того. Самого воеводу, кира Еремию, Прохор никогда не видел… Правда, ему этого не очень-то и хотелось…

Свободного времени у него было вдоволь, иногда он ходил в церковь Введения во храм Пречистой Богородицы, иногда к источнику с фонтаном, сидел там в тени лип, умывался, смотрел на то, как женщины пьют воду, шутил с ними или пугал их ложью с той стороны Дуная и истиной – с этой. Он не верил, что смерть, как предсказал ему Скоромник, может прийти к нему через воду. Прислушиваясь к тому, как журчание теплого источника перекликается с ревом ледяного Дуная, он иногда затягивал песню, правда очень тихо, будто бы пел кому-то внутри себя:

Парил орел над городом, над городом над Смедеревом,

Никто поговорить-то с ним да не хотел…

Однако долго петь песни ему не пришлось.

В тот год венгерский король Сигизмунд захотел отобрать у Еремии Голубац, но Еремия его не дал. Он снарядил своих людей, посадил их на суда и послал против венгров на другой берег Дуная, а венгерскому королю передал, что купил Голубац у деспота Стефана Лазаревича за 12 000 дукатов с головой самого деспота, отчеканенной на каждой монете. Если венгерскому королю нужен Голубац, пусть пошлет ему 12 000 дукатов со своей головой на каждом, тогда и получит его. А по-другому не получится. Уж лучше он сдаст Голубац турецкому султану. Так сказал Еремия, а Прохор, который вместе с войском из крепости переплыл на судне реку и вступил в бой с венграми, получил тяжелую рану. Выстрел из самопала угодил ему прямо в пах. Люди воеводы столкнулись здесь не только с венграми, но и с поляками, румынами и даже литовцами. Среди всеобщего хаоса и резни раненого Прохора с трудом доволокли до реки, бросили в лодку и оттолкнули ее от берега…

Если нет дождя, то во второй половине дня, обычно около пяти часов, ветер по имени "грохотун" некоторое время гонит воду Дуная против его обычного течения – от Лепенского источника по

направлению к Голубацу. Тогда на лодке можно довольно легко проплыть вверх по реке. Прохор о Дунае знал все, знал он и то, что ветер может спасти ему жизнь. Так оно и получилось – скорее мертвый, чем живой, он все-таки догреб до Голубаца по ветру.

Несколько недель пролежал он под овчиной и только стонал. Говорил он так, будто жует, а на куске хлеба оставлял кровавые следы. Когда Прохор был ребенком, одна старуха научила его, что ночью, если в комнате или в лодке есть нечистая сила, нужно начертить вокруг себя, то есть вокруг своей постели или лодки, воображаемый круг, чтобы защититься от злой силы. Теперь, лежа в постели, он в мыслях заключил в круг рану у себя на бедре. Как будто хотел защитить ее от злых духов. Постепенно, с каждым вечером этот круг уменьшался и сгущал боль, душа ею рану. И наконец задушил. Как будто Прохор и сам был злым духом. Так он выздоровел. Но лучше бы ему не выздоравливать. Ранение не прошло без следа. Прохор навсегда потерял мужскую силу.

В горе и страхе Прохор решил это скрыть. Чего только в беде не придумаешь, вот и он, боясь потерять работу, открутил как-то ночью, тайком, бронзовую трубку с того самого фонтанчика на Дунае и пронес ее в Голубац, в свою комнату, чтобы всегда была под рукой. Теперь он по-прежнему, несмотря на свой изъян, мог заниматься проверкой портних и белошвеек. Обман они, разумеется, замечали, да только тогда, когда было уже поздно, поэтому Прохора это ничуть не тревожило. Ему было важно не потерять свой кусок хлеба. Так ему удалось сохранить за собой место в крепости.

Как-то раз после полудня ветер "грохотун" пригнал к воротам Голубацкого замка девушку, которая назвалась швеей. Увидев Прохора, она остолбенела. А он приказал заварить чай и провел ее в свою комнату с очагом и тазом. Как только они вошли и закрыли дверь, он сказал ей:

– Лучше тебе сразу узнать, что сейчас будет, я все расскажу тебе заранее, как и всякой из тех, кто побывал здесь до тебя. Чтобы ты не брыкалась. Прежде чем попадешь в постель к моему господину, я тебя проверю. По его приказанию я должен до него в постели проверить каждую из новых служанок.

При этих словах она задрожала, а он размотал и снял с ее головы платок, под ним была вышитая золотом шапочка, отделанная по краям косичками из отрезанных волос. И только под шапочкой обнаружились ее настоящие волосы, собранные в пучок, заколотый иглообразной шпилькой с янтарной головкой. Он вытащил шпильку и бросил ее на пол перед очагом.

– С этим в башню нельзя, – сказал он. – Такой иголкой можно насмерть заколоть.

Потом он вынул из ее волос гребень и расплел косу. В комнате запахло тяжелыми волосами, и из них выпали монисто и цветок лилии. Он схватил монисто и, перебрав все монеты, проверил, не заточен ли у какой-нибудь из них край, так что им можно перерезать вены. А она в это время обнимала его и плакала. Он снял с ее руки железный перстень, обнюхал и с помощью ложки ловко выковырнул из него топаз, чтобы проверить, не спрятан ли под ним яд. Убедившись, что там ничего нет, вернул камень на место, зубами закрепил вокруг него металлические лапки и надел кольцо девушке на палец. Снял с шеи бусы и отложил в сторону, сказав, что ими можно в мгновение ока задушить человека. А она, как будто не замечая всего этого, рассказывала что-то об Адаме и Еве и смотрела на него как зачарованная.

Потом он распустил кожаные ремни, обвивавшие ее ноги, стащил с нее узорные носки и разул ее. Тут из одного носка выпал нож с ручкой из заячьей ноги.

– Что это такое? – спросил он и отложил нож туда же, где лежали шпилька и бусы. – Собираешься кого-то убить?

– Нет. Нож не мой. Он твой, и я тебе его возвращаю. Неужто не помнишь?

Он посмотрел ей в глаза, но не подал виду, что понял ее слова.

Не проронив ни звука, он снял с нее длинную безрукавку, застегнутую вместо пуговицы на бубенчик, размотал и бросил на пол пояс. Развязал завязки на платье и стащил его. В подоле нашел по запаху зашитый листок мирта, а она стояла перед ним посреди комнаты совершенно нагая. Только в ушах ее оставались длинные, до плеч, серьги. Оказалось, что кустик под пупком у нее выкрашен цезальпинией, а цезальпиния – единственная краска, которую мертвые могут распознать на этом свете. Это был особый знак, по которому покойник смог бы узнать ее. Однако Прохор на это внимания не обратил и обмыл ее над тазом чаем из шалфея.

Потом трижды перекрестил языком каждую ее грудь, залез в постель под овчину и затащил девушку на себя. Она распласталась по нему, впав в забытье от страсти, однако при этом, отводя лицо то вправо, то влево, упорно уклонялась от поцелуя. В тот момент, когда в нее вошла трубка от фонтанчика, он принудил ее к поцелую в губы, и она прострелила ночь таким страшным криком, что от него в комнате погасла свеча.

– Все хорошо, ты чиста, – прошептал он спустя несколько мгновений. – Завтра можешь отправляться к воеводе. Каждое утро ты должна будить его запахом горячего, только что испеченного хлеба с укропом. Он это любит. И тебя полюбит, потому что ему нравится, когда у женщины грудь больше, чем задница, а слюна не сладкая, а горькая. Теперь иди и думай о том, что только через Луну человеку дано видеть

Солнце. И только через женщину мужчина понимает, кто он и мужчина ли он…

Это были последние слова, которые он произнес в своей жизни. На следующее утро Прохора нашли в постели мертвым. Он лежал навзничь, без единой раны, со свечой между сложенными руками. Он был красив даже с двумя серебряными монетами на глазах.

На заре к нему в комнату вошел отставной солдат, нашел в его постели бронзовую трубку и приказал вернуть ее на место, но только приладить таким образом, чтобы вода из нее текла вниз. Затем солдат сел рядом с умершим стеречь, чтобы через его тело не перепрыгнула кошка. Вскоре пришел инок из монастыря Далше и сел рядом с солдатом. Тот встретил его какой-то залатанной улыбкой и сказал, обрезая ножом ногти:

– Вот так-то оно, святой отец. Я солдат и знаю, что есть такое время года, когда в Бога верят, и такое, когда в Бога не верят. Что же до этого красавца, его никто и никогда не увидит старым. Поэтому можно сказать, что самое важное в смерти – это жизнь. К примеру, святой отец, ткань твоей смерти целиком и полностью создается из твоей же жизни. Без твоей жизни просто не было бы твоей смерти…

Инок из Далши перекрестился и сказал: – Считают дни смерти, сын мой, а не дни жизни. Когда их соберешь, дни своей смерти, и посчитаешь, сколько набралось, а потом посмотришь, что там еще осталось, то увидишь, что этот остаток и есть твоя жизнь…

Тут сверху, из палат, до них донесся сладкий запах только что испеченного хлеба с укропом.

ОВЕН И КОЗЕРОГ

Овен

Когда-то судьбы читали не только по таким книжечкам, как "вечный календарь", "книга рождений", "сонник", "гороскоп", "трепетная книга" или "планетарник", но и по так называемым пистикам. Пистиками назывались рукописные азбучницы специального назначения, которые издавна употреблялись в Греции, Египте и Испании. Потом они распространились и в других странах. На старославянском языке слово "пистик" означает "настоящий", "подлинный", "не-поддельный", а пришло оно из греческого языка. В нашем случае под этим словом имеется в виду перечень слов-ключей, используя которые можно предвидеть сны. Так же, как сонник на основе сна предрекает явь, пистик, исходя из яви, предсказывает, что приснится во сне. Кроме того, пистики использовались для того, чтобы выявить связи между лицами, родившимися под одним или под родственными знаками Зодиака. Поэтому каждая из таких азбучниц состояла из дюжины свитков, по одному на каждый знак Зодиака.

До нашего времени не дошло ни одного пистика в виде целостного текста. Наряду с фрагментами нескольких разных пистиков сохранилось нечто похожее на инструкцию по пользованию, но и она тоже не представляет собой единого и законченного текста:

"У сна двое ворот – для входа, через них падают в сон, это "катабазис", и для върсода, это те, через которые возвращаются в явь ("анабазис").

Пистик помогает следить за теми воротами, через которые из яви переходят в сон, а сонник – это дверь, ведущая обратно, из сна в явь…

Падение в сон может быть уходом в неблагоприятном направлении, от которого после будет зависеть и пробуждение…

Есть пять падений в сон. Самые важные из них – второе и то, которое перед четвертым, но при этом оно не третье…"

Этот и другие дошедшие до нас отрывки написаны на разных языках – на катареусе, ладино и в русской редакции старославянского. Возможно, что и название "карманная книжка", возникшее в начале XVIII века, распространяется не только на сонники и рукописные песенники светского содержания, но и на пистики.

Ниже приводится современная, реконструированная версия пистика для лиц, родившихся под знаком Овна.

АВТОМОБИЛЬ – Если вы наяву покупаете туфли, это означает, что вам приснится, как вы покупаете маленький синий автомобиль "фольксваген-гольф" (меньший, чем тот, который у вас есть), причем покупаете не себе, а кому-то другому.

ПРОБУЖДЕНИЕ – Три миллиона лет назад во Вселенной произошел инцидент космических масштабов, который зафиксирован в памяти всех небесных тел. Все созвездия Зодиака проносят память о нем по своим орбитам и вспоминают о нем в тот момент, когда все они снова оказываются на тех же самых местах, на которых были тогда. И передают это воспоминание на Землю. Под действием импульса от этого небесного воспоминания об инциденте люди как в шоке пробуждаются ото сна. И при таком пробуждении переживают мгновения просветления и страха. Эти пробуждения с просветлением и страхом отличаются от всех остальных пробуждений, так же как яйцо с двумя желтками отличается от обычных яиц с одним желтком. И если в момент такого двухжелткового пробуждения загадать какое-то желание – например, захотеть обвенчаться, – желание исполнится, правда только во сне.

ВРЕМЯ – Так же, как в химии есть концентрат кислоты, есть и концентрат времени. Эссенция времени. Если вы ощутите ее присутствие примерно в полдень и если это ощущение не связано с голодом, то вам приснится женщина с длинными черными волосами и зеленым взглядом. Она скажет: "Я – Да-лона".

ЗАМОК – По старому верованию, стоит вам перейти мост, ведущий к укрепленному замку, и вы услышите, как кто-то во сне шепчет вам чье-то имя. Этот кто-то будет шептать его вашим голосом, но имя будет вам незнакомо. Будьте внимательны и запомните это имя, потому что ваш собственный голос скажет вам, как зовут вашего суженого.

ДОЛГ – Прозаик и поэт XШ века Теодосий время от времени приходит в наш мир, чтобы послушать, как одна девушка в XV веке читает стихотворное "Слово любви", принадлежащее перу деспота Стефана Лазаревича и написанное в том же XV веке (мертвые не могут читать, они могут лишь слышать, что читают другие). Девушка чувствует, что кто-то потусторонний прислушивается к ее чтению, но не понимает, что происходит. Напуганная, она не решается прервать чтение и, находясь в тисках времени и страха, не может сдержаться и мочится в постель, читая книгу, от которой не в силах оторваться. Если и вам случится, читая книгу, обмочиться в постели, – это знак того, что кто-то увидит вас во сне. Этот "кто-то" во сне почувствует на своих губах горький вкус пудры с вашей шеи и услышит ваш голос, произносящий стихи, которым вы возвращаете один свой давнишний долг:

Лето и весну Господь создал,

о чем и псалмопевец рассказал,

красоты в них многие,

для птиц быстрый,

веселья полный лет

и для гор вершины,

для лугов пространства,

для полей широту…

ДЬЯКОН – По старому верованию, если вы встретите дьякона, то во сне будете покупать скорость. Где-то, на какой-то улице, вы или кто-то близкий вам будет расплачиваться иностранной валютой. Если вам такое не приснится, попробуйте увидеть этот сон еще раз, после того как наяву снова встретите дьякона.

ГВОЗДЬ – Древний пистик советует внимательно прислушиваться к окружающему. Как известно, гвоздь кладут в посуду при приготовлении пищи для того, чтобы она на огне не потеряла цвет. Если вы ели такой "суп с гвоздями", то во сне будете принимать гостя; однако вы не увидите ничего, кроме его мужских туфель Massimo Germani. Правда, с тех пор во сне вы часто будете слышать шаги ног в этих туфлях.

ЖАЖДА – Если вам ночью хочется пить, это почти всегда знак того, что в вашем сне объявится кто-то, кто по ночам не пьет воды.

ЗВЕЗДНАЯ МАНТИЯ – Тому, кто видел в Бамберге, в Музее диоцеза, звездную мантию императора Генриха II (умер в 1024 году) или изображение этой мантии, на которой вышиты созвездия и другие изображения, имеющие астрологическое значение, приснится покупка перстня. Покупка будет происходить в месте, которое расположено на большой высоте, откуда видно 23 километра какой-то реки. Во время покупки вы будете не одни.

ИГОЛКА В СТОГЕ СЕНА – Стог сена возле дороги принесет вам сон с довольно сложным значением. Каждое падение в сон продолжается несколько сотен лет. Ведь человек гораздо старше, чем он умеет считать. Поэтому искать и найти себя во сне – это то же самое, что искать иголку в стоге сена. Вместо себя во сне вы найдете мужской костюм, темный в светлую полоску. В будущем вам постоянно придется искать во сне хозяина этого костюма.

ЯБЛОКО – Предложенное и взятое яблоко предсказывает, что в вашем сне будет дождь. В том же самом сне вы пойдете смотреть подвенечные платья

с каким-то незнакомым, но важным для вас человеком. Во сне вам не будет известно, кто именно собирается венчаться. Вы будете рассматривать платья, выбирать, и вам понравится одно, серебряное, как из фольги.

КУМ – Никогда не говорите: "Чего я пойду к нему на похороны? Он же на мои не придет!" Если вы так сделаете, будьте уверены – он к вам придет обязательно, но вы этого не увидите. Просто вам будет сниться, что он был у вас на свадьбе шафером. С веточкой розмарина в петлице.

ПРОШЛОГОДНИЙ СНЕГ – Если вы наступите на прошлогодний снег, то услышите во сне трубачей. Они будут играть песню "После войны, с маленькой надеждой под дождем...".

КАЧЕЛИ – Тому, кто увидит особу женского пола на качелях, приснится, что он натягивает на себя чулки, прошитые серебряными нитками.

МАРС – Планета, управляющая созвездием Овен, которое является предметом этой азбучницы. Если вы наденете кольцо или бусы из бриллиантов (а это драгоценный камень Марса), вам приснится мужская парадная рубашка без пуговиц. Рубашка XXI века, которая застегивается на липучку.

ВРАГ – Люди обычно думают, что враги остаются их врагами повсюду в мире. Но это не так. Тот человек, который является вашим врагом здесь, в данной точке земного шара, например в Европе, вовсе не обязательно будет вашим врагом в каком-то другом месте – скажем, в Аргентине. Если вы прочитаете этот текст, добром дело не кончится. Во сне враг окажется у вашего порога. Вам будет сниться война, на

протяжении которой 78 дней будут падать бомбы и будет разрушено 60 мостов.

НИВА – Тот, кто пешком пересечет ниву, увидит во сне девочку, которая каждый год красит в красный цвет по одному ногтю. Начиная с ног. Поэтому она всегда знает, сколько ей лет. Пока не вырастет. На руках у нее кружевные перчатки, украшенные мелкими, как рыбья чешуя, зеркальцами, – эти перчатки будут следить за вами бесчисленными глазками.

ОВЕН – Этот пистик или же азбучница составлен для того, кто родился под знаком Овна. Это первый знак Зодиака, он соответствует первому весеннему лунному месяцу. Солнце проходит через этот знак с 21 марта по 20 апреля, а правит здесь Марс. Овен – это знак стихии Огня, мужской, активный и кардинальный. Его зодиакальное созвездие находится в северной части неба. Девиз этого знака гласит: "Надеялся я и ждал, что виноградник мой принесет виноград, а он вот зарос тернием. Сжалься же над ним, о человек, радетель о добре домашнем, и дай ему пристанище в сердце твоем..." Если найдете монетку с отчеканенным на ней знаком Овна и надписью "Aries" (Александрия, 155 г. до н. э.), вам приснится, что вы выбираете лосьон after shave для какого-то мужчины.

ФАСОЛЬ – Возьмите фасоль двух видов, белую и желтую, обязательно прошлогоднюю, и замочите ее на ночь в воде с мятой. Добавьте копченые ребра и копченую грудинку, выдержанную на высоте 15 или 20 метров (чем выше коптильня, тем лучше)... Головку лука и один-два зубчика чеснока обжарьте на сковороде, слейте мятную воду и налейте в кастрюлю свежей воды, добавьте к фасоли запеченный красный перец и уже упомянутые лук с чесноком. Положите в кастрюлю грудинку и копченые ребра. Не забудьте, что еще нужно добавить молотого острого красного перца и немного чая с медом. Если вы все сделаете правильно, вам приснится греческий поцелуй (один из тех, что дарят через плечо), или один французский (лоб к подбородку), или два русских (с укусом).

ВОЙНА – Если в вашей жизни случится война, и притом с вечера, после войны во сне у вас будут гости. (Это объясняется тем, что во время войны снов не видят.) Гостям будут предшествовать два цвета: синий и золотой. Во сне к вам придут Святые ратники, изображенные на стене монастыря Манасия (XV век). Их пальцы будут сжимать сабли не на эфесе, а ниже его, на самом клинке. Каждый удар саблей по врагу будет наносить рану и им самим.

САТУРН – Всякий раз, когда вы наденете сначала левую туфлю, а потом правую перчатку, вас во сне будут мучить расставания, препятствия, трудности, утраты, страх, сопротивление, нерешительность, отчужденность, одиночество, холод, черствость, скупость, зависть. И еще приснится старость, которая смеется издалека, грозя палкой сквозь две ночи – ночь вашего сна и ночь того спящего существа, чьи ужасы вы видите во сне. Потому что ужасы, которые вы видите во сне, не ваши. Они принадлежат кому-то, кто родился под знаком Козерога и находится во власти Сатурна, планеты несчастья.

КУВШИН ДЛЯ ВОДЫ – Кувшин для воды с носиком в форме мужского члена предсказывает сон, в котором вам любой ценой нужно кого-то найти. Вы будете искать этого "кого-то", не зная, как его распознать. Не зная, как он выглядит. Этот сон будет повторяться.

ФИЛИН – Если вы услышите ночью крик филина, прислушайтесь, сколько раз подряд он прокричит. Столько лет вам осталось жить. В ту же ночь вам снова приснится, что вы ищете кого-то, кого не можете узнать. Однако на этот раз во сне вам станет ясно, что незнакомец, которого вы еще не нашли, красит пробор у себя на голове в оранжевый цвет. Запомните это. Пригодится в одном из других снов.

УЛИЦА РИГЕ ДЕ ФЕРЕ – Если вы пройдете по этой улице ночью, то в ваш сон придет какой-то незнакомец, с которым вы состаритесь. Кто-то, кого вы будете безмерно любить. Кто-то, кто ночью будет угадывать ваши желания по треску ваших костей в темноте.

ФИЛОН АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ – Если вы прочитаете следующую фразу: "Филон платонизирует, или Платон филонизирует", вам приснится, что вы на один день арендовали нечто похожее на палатку с пятью опорами, такую, в каких живут в пустыне.

ХРАМ – Если вы пройдете около полуночи через городские ворота, пусть даже такие, как на Калемегдане, построенные еще в XV веке, вам приснится, что вы венчаетесь в монастыре Манасия с кем-то, кого раньше никогда не встречали, даже во сне. Вас охватит ужас оттого, что вы не будете знать, кто это, до того самого момента, пока он не приподнимет вуаль с вашего лица, чтобы поцеловать вас.

ТУФЛИ – Если вы наяву покупаете автомобиль, это означает, что во сне вы купите женские туфли из белого полотна с черным меховым верхом, такие, какие надевают на венчание.

ПРИЧЕСЫВАНИЕ – По древнему обычаю, вы можете поститься в пятницу, а причесываться в субботу. Это предвещает, что во сне вы наконец найдете человека, которого давно искали, человека, который красит пробор в оранжевый цвет. Он станет во сне вашим любовником. Если у вас с этим сном ничего не получится, повторите и пост, ипричесывание.

КРАСНАЯ КРУГЛАЯ СЛИВА – Если вы собираете красные круглые сливы "джанарики", во сне вам будет холодно и в ваш сон придет кто-то, родившийся под знаком Козерога.

ЛЕС – Будьте внимательны, если увидите, как две птицы в лесу садятся на ветку. Одна клюет ягоды этого года, другая – следующего. Первая будет петь, а вторая не будет. Вот та, вторая, вам и приснится. Петь она не будет и во сне, однако взглядом остановит часы у вас на руке, как это обычно и бывает перед венчанием.

Козерог

Дурак, чего ты дожидаешься, говорил я сам себе на протяжении всех тех семидесяти восьми дней, пока на город падали бомбы. Но когда тебе на голову валятся бомбы, думать не можешь. Не можешь и спать. Семьдесят восемь ночей я не спал. Вместо того чтобы спать, я ел яблоки. Все эти ночи вместо бомбоубежища я пользовался проемом входной двери в моей комнате на улице Риге де Фере, потому что в нашем доме нет подвала. Уже потом я узнал, что нужно было стоять в углу комнаты. В дверном проеме стояли, когда была Вторая мировая война, а сейчас, во время нападения НАТО, стоять следовало в углу. Я никак не мог поверить в реальность происходящего. Хотя все это можно было предугадать. Потому что я родился под знаком Козерога (Capricornus).

Зодиакальное созвездие Козерог находится к югу от небесного экватора. Козерог – десятый знак Зодиака, он соответствует первому зимнему лунному месяцу, Солнце проходит через этот знак с 21 декабря по 20 января. Козерог относится к стихии Земли, это женский, негативный (пассивный) знак. Девиз этого знака более чем ясен: "Кому страшно, пусть ему будет страшно! Как буквы в книге и рыба в воде, кольцо на пальце и хозяин в своем доме".

Поэтому-то я и сказал, что все это можно было предугадать. У тех, кто родился под знаком Козерога, самая плохая из всех небесных знаков планета – Сатурн. Эта планета, управляющая моей судьбой, звезда несчастий, зловредное небесное творение, вытряхнула в мою жизнь не только бомбы стран НАТО, но и каких-то престарелых дальних родственников, от которых воняло просроченными лекарствами, неузнаваемых отцов, предков-бродяг, бедняков, никчемных наследников. Они появлялись и исчезали, прозрачные, как стаканы. А мне в подарок осталась исключительно цепкая память, которая без устали вносит в свою книгу приходов и расходов бедность, одиночество, постоянные предосторожности, грусть, трупы, ненависть с похмелья, деревенское происхождение, массу и вес тел, которые я безошибочно распознавал вокруг себя, включая массу и вес крылатых ракет, пролетавших у меня над головой. Я живу на Дорчоле, в комнате, в

которой рев самолетов поселился с первой же ночи бомбардировок и остался в ней навсегда, как в каком-то музее звука.

Утром мы шагнули в войну, как придурок входит в подворотню, где ребята гоняют ногами чью-то шапку. За одну ночь дешевые вещи стали дорогими, а дорогие подешевели. Днем мы выползали на улицу, как кроты, бледные от страха и бессонницы, чтобы посмотреть, цела ли еще улица Князя Михаила, и я начал замечать витрины, на которые раньше никогда не обращал внимания.

Как-то шел я по улице Царя Лазаря и тщетно пытался вспомнить хоть одну прочитанную до войны книгу или какой-нибудь спектакль. И вдруг среди этих раздумий мое внимание привлекла витрина с дорогой женской обувью. Я сразу заметил, не знаю почему, туфли из белого полотна с черным мехом наверху. Это была роскошная женская обувь для свадьбы, довольно экстравагантная, с четырехгранным каблуком. И мои глаза остались в этой витрине. Кстати, учтите, я и не трансвестит, и жениться не собираюсь. Да и вообще не отношусь к тем, по кому сходят с ума. И советы, и проклятия в одно ухо впускаю, через другое выпускаю, обещаю много, а выполняю мало. Воду по ночам не пью. По моим волосам видно, какая у меня грустная душа. Все дни, кроме праздничных, я похож на мать. Короче говоря, даже красивые шляпы мне не к лицу. Мне предсказано, что если я женюсь в июле, то буду счастлив. А я совсем не уверен, доживу ли до июля. И несмотря на все это, мне почему-то понравились эти белые венчальные туфельки с черным меховым верхом. Потом я еще пару раз прошел мимо них, просто чтобы посмотреть. И испытал настоящее отчаяние, когда однажды они исчезли с витрины.

Как пишут в пособиях по астрологии, кроме тех качеств, которые заставляют меня деградировать, мне, по самой сути, свойственны еще и некоторые другие – такие, как надежность, выносливость, основательность, твердость. Видимо, именно поэтому во мне сработал инстинкт самозащиты. Как будто наперекор всему тому, что мне угрожало, я начал во время бомбардировок заниматься кулинарией,

хотя раньше готовить не умел. Рыбу следовало исключить сразу, потому что Дунай был загрязнен обедненным ураном и ртутью, содержавшимися в бомбах. Поэтому я купил на рынке два вида фасоли, белую и желтую, прошлогоднюю. Кроме фасоли взял еще ребра и грудинку, копченные на высоте 20 метров, потому что чем выше коптильня, тем лучше сало… И вот падают бомбы, воздушные удары НАТО уничтожают нефтеперегонный завод в Панчеве, а я готовлю еду. Фасоль замочил на ночь в воде с мятой. Головку лука и один-два зубчика чеснока обжарил на сковороде, слил мятную воду и налил в кастрюлю свежей воды, добавил к фасоли запеченный красный перец и вышеупомянутые лук с чесноком. А Панчево горит. Положил в кастрюлю грудинку и копченые ребра. И не забыл добавить молотого острого красного перца и немного чая с медом… Я сделал все на одном дыхании, как будто давно привык заниматься этим делом, а фасоль у меня получилась такой сладкой, что, как говорится, каждая ложка была похожа на поцелуй…

Потом я как-то раз проходил по улице Змай од Ночая. Там есть один магазинчик, где продают подвенечные платья. Несмотря на сыпавший мелкий дождь, я буквально прилип к витрине, не в силах оторвать взгляд от серебристого платья, переливавшегося, как металлическая фольга. К нему прилагались длинные, до локтя, перчатки протестантского темно-серого цвета, усыпанные крошечными зеркальцами, похожими на глаза…

Тут я заставил себя встряхнуться и подумал: на что мне вся эта женская дребедень? Лучше заняться своими делами. Моя планета, Сатурн, по сути своей холодный и сухой небесный камень. Эта планета дневная, мужская, враждебное небесное тело. Зло, которое она причиняет, приходит медленно и длится долго. Учитывая все это, учитывая еще и войну, я не видел перед собой никакого будущего. Но кроме того, я не был готов экономить деньги. Консервативный по своей природе, я предался пороку, который не требовал особых усилий.

Меня охватила мания бессмысленных покупок. Магазины по распоряжению властей работали всю войну бесперебойно, за исключением часов воздушной тревоги. И продавцы не знали, что делать с дорогими товарами, которые теперь никто не покупал и которые никто не решался под бомбами отправить обратно на склады. Поэтому они продавались за бесценок. В магазине на улице Чика Любина я почти даром взял мужской лосьон after shave с запахом арбуза и мужской костюм фирмы Chez Nikola's в серую полоску для официальных случаев, а также рубашку XXI века без пуговиц, застегивающуюся на липучку. Неподалеку от этого магазина я купил литр растительного масла, неожиданно всплывшего среди дефицита продуктов, и у того же самого уличного продавца – синий "фольксваген-гольф" десятилетнего возраста, который до бомбардировок стоил 3000 марок, а сейчас, под бомбами, – 100. В Новом Белграде, в одном из многоэтажных домов-башен, из которых была видна каждая ракета, падавшая на город, в ювелирной лавочке "Ненад Раце" на 16-м этаже я подобрал себе мужской перстень. А потом мне настолько понравилось одно женское кольцо (гораздо больше, чем мужское), что я купил и его. Цены были "военные", то есть совершенно дурные. Как, впрочем, и я сам.

Когда бомбы падают тебе прямо в кровать, невозможно ни спать, ни думать, ни тем более заниматься любовью. Тем не менее в тот вечер я задремал, и в моем полусне, между двумя воздушными налетами, какой-то чарующий женский голос начал читать мне что-то старинное, даже древнее и теплое, что-то похожее на любовное стихотворение. Особенно сладкими были согласные и односложные слова. Они ласкали и возбуждали не слух, а мою слизистую. Я почти физически чувствовал слюну той, что нашептывала мне стихи:

Лето и весну Господь создал…

На следующий день мне взбрело в голову купить какую-нибудь книгу. На улице Князя Михаила перед книжным магазином "Синий всадник" его владелец распродавал свои запасы, разложив их на

гладильной доске. Я выбрал книжечку о монастыре Манасия с отличными фотографиями фресок Святых воинов и купил ее за 2 динара. Любая книга с гладильной доски стоила 2 динара. Но не успел я дома раскрыть ее, как начался новый воздушный налет.

В ту ночь было разрушено и сгорело здание телецентра. Я не спал до самого рассвета, запершись в комнате, завесив окна влажными простынями и закрыв лицо мокрым носовым платком. Мне едва удалось спастись от резкого запаха горящей кинопленки.

Утром я покрасил оранжевой краской, в стиле хинди, пробор у себя на голове и решил покинуть город. У меня была возможность сесть в машину и поехать в Венгрию, на аэродром, с которого каждую ночь взлетали самолеты, чтобы бомбить нас. Там я мог взять билет в любом направлении, только не домой. Для этого мне даже не нужна была виза, потому что въезд в Венгрию был свободным. Но я поступил по-другому. У меня вдруг возникла необъяснимая потребность отправиться в какой-нибудь монастырь. Автомагистраль, ведущая на юг, была разрушена бомбами только где-то после сотого километра, так что по ней я мог добраться до монастыря Манасия, он расположен немного ближе к Белграду. За немецкие марки я купил на улице бензин в двадцатилитровой пластмассовой канистре, которую, правда, предварительно прокипятили, так что она на самом деле вмещала теперь не 20, а 18 литров. Надел новый костюм и рубашку – мне было жаль оставлять их в Белграде. Обулся в лакированные туфли Massimo Germani, ставшие моими тоже в результате одной из моих бессмысленных закупок в районе Чумича. Чтобы от них не несло новой кожей, я опрыскал их лосьоном after shave с запахом арбуза. В карман я положил два кольца и книжечку о монастыре Манасия, купленную днем раньше. Было еще утро, и я отправился в путь, надеясь на перерыв после ночного налета. На выезде из города меня остановили какие-то цыгане с трубами, они знаками показывали, что им тоже надо на юг, я остановился и впустил их в машину, строго предупредив, чтобы по дороге они не играли.

– Кто из вас лучший трубач? – спросил я просто так, ради разговора.

– Миливой. Он самый глупый. И он лучший трубач на этом берегу Моравы, – ответили они в один голос.

Еще издали сквозь шум дождя мы увидели у стен монастыря Манасия толпу людей под разбитым там огромным шатром, и трубачи, которых я привез, разом грянули "После войны, с маленькой надеждой под дождем…".

"Да тут какая-то свадьба, – подумал я. – Надо же, кругом война, а у них свадьба!"

У входа в храм я столкнулся с одним из моих школьных друзей, – у него в петлице была веточка розмарина. Я застыл в оцепенении, – говорили, что он погиб на этой войне.

– Откуда ты взялся? Приехал на венчание? А чья это свадьба? – засыпал я его вопросами.

– Ты что, брат, решил шутки с нами шутить? Еще спрашивает, чья свадьба! – ответил он и сквозь толпу повел меня в церковь.

Там стояла невеста. Меня как что-то кольнуло, и я посмотрел на ее туфли. Они были сделаны из белого полотна с черным меховым верхом. Чулки вышиты серебристой нитью. На ней было серебристо-серое, как из фольги, подвенечное платье и перчатки, усыпанные крошечными зеркальцами. На ее руке я заметил остановившиеся часы…

Только после того как священник сказал: "А сейчас поцелуйте молодую", я наконец взял себя в руки и приподнял вуаль. Только сейчас я в первый раз увидел ее лицо. Меня хлестнул зеленый взгляд.

– Два русских поцелуя с укусом! – шепнула она, приблизив свои губы к моим.

СТРЕЛЕЦ И РЫБЫ

Стрелец

"Тело в палатах, душа в хлеву" – так думал слуга и погонщик мулов о своем хозяине, торговце шелком, кире Спиридоне Властаре. А кир Спиридон звал своего погонщика Юпитером, думая так: "Как Юпитер распоряжается своими созвездиями, так и он распоряжается навозом моих мулов…"

Одним словом, кир Спиридон был человеком неосторожным в выражениях и осторожным в деньгах, и его не заботило, что думают о нем мулы и их погонщики. Он любил ракию из шелковицы и старел от ветра с Карпат, который вызывает зубную боль. Кир Спиридон знал, что один и тот же перец будет по-разному острым утром и вечером и что одним и тем же ароматическим маслом не пользуются на свадьбе и на похоронах. Он считал, что каждая любовь – первая, имел двух жен и одну любовницу, тридцать лет за ушами и столько же золотых монет в кармане. Товар он закупал на Босфоре и перевозил его маленьким караваном, который состоял из уже упомянутого погонщика и трех мулов. Один был белым, а два других – черными. За товаром он обычно отправлялся вниз по Дунаю из Сентандреи, в день святого Марка. Возвращался в сентябре, который имеет больше всего счастливых дней в году. Постольку поскольку 1719 год не относился к счастливым, да к тому же все еще дымились руины прошлогодней войны, он его пропустил и собрался за шелком только год спустя. И тут грянула его беда, да так оглушительно, как может грянуть только пушка.

На постоялом дворе в Белграде, возле церкви Святой Пятницы, у него попросил милостыню какой-то слепой. Суеверный как ворон, кир

Спиридон схватился за пояс с деньгами, но слепец отказался от денег. Это удивило кира Спиридона, и ему захотелось узнать причину отказа.

– Что же ты тогда просишь, если тебе не нужны деньги? – задал он вопрос.

– Когда-то я был торговцем и так же, как ты, ходил с караванами навьюченных мулов и погонщиками, перевозя ароматические масла и пряности. Однажды на меня напали разбойники, ограбили и хотели убить, но потом смилостивились и, вместо того чтобы убить, сунули саблю в огонь, а когда ее лезвие раскалилось, махнули ею у меня перед глазами, которые в тот момент были полны слез, потому что я как раз вспомнил другие глаза, которые не надеялся больше увидеть. До сих пор помню, как вскипели мои слезы, когда рядом с ними просвистело раскаленное железо. Разбойники ослепили меня, чтобы я потом не опознал их и не выдал властям… С тех пор скитаюсь от церкви до церкви и прошу зрения и молитвы за глаза видящие, но пока еще ни от кого этого не получил. Я и сюда пришел затем, чтобы найти свои глаза…

– А твоя молитва не помогает?

– Не помогает.

– Ладно, если где-нибудь по дороге найду молитву об исцелении глаз, принесу ее тебе на обратном пути.

– Спасибо тебе, но только как я, слепой, узнаю, что ты возвращаешься и в какой день будешь здесь проходить?

– Обратно я собираюсь в день Крестовоздвижения. Но ты и сам знаешь – у дороги срока нет, рассчитать трудно, поэтому, если я буду здесь раньше или позже и мы с тобой не встретимся, я оставлю молитву под камнем в церковном дворе, а ты ее возьмешь, когда будешь

проходить мимо. Только подними камень, и молитва сама вспорхнет туда, куда надо, то есть на небо.

На том они и расстались. Однако после этого разговора кира Спиридона охватил страх. Он испугался, как бы и на него не напали грабители, и поэтому, добравшись до постоялого двора при монастыре Дечанн, решил там и остаться, а погонщика с мулами отправить дальше, на Босфор, одного. Однако деньги, что у него были с собой, погонщику доверять он не хотел. Поэтому запрятал каждый дукат в клочок сена и скормил их своему белому мулу. Таким образом, почти все, что у него было, он доверил животному, потом взял ремень и вырезал на нем послание: "Распори брюхо белого мула и пошли мне на эти деньги партию шелка багряного цвета". Этим ремнем он перепоясал неграмотного погонщика Юпитера и велел передать ремень своему поставщику в Царьграде.

Сам кир Спиридон остался в Дечанах, в монастыре, построенном одним королем в благодарность за исцеление от слепоты. А так как времени у него было достаточно, он от нечего делать стал расспрашивать, не знает ли кто что-нибудь о молитве, которая врачует зрение.

Тем временем погонщик с мулами спокойно проделал весь путь. Бережливый по своей природе, он, вместо того чтобы вести мулов за собой, шел за ними и подбирал с дороги навоз. Потом он складывал его в мешок и сушил, чтобы зимой было чем топить печь. И вот, подбирая навоз за белым мулом, он каждый раз с изумлением обнаруживал в нем дукат. Набрав так двадцать пять дукатов, счастливый погонщик прибыл в Царьград. Там он сразу же купил сокола, и тот наловил ему рыбы в бухте Золотой Рог. Наевшись рыбы, погонщик отправился к торговцу, поставщику кира Спиридона, и передал ему в руки то, что было приказано, то есть ремень. Торговец прочел сообщение, вспорол белому мулу брюхо, но так как ничего там не нашел, то не дал погонщику шелка, и тот был вынужден вернуться к своему хозяину в Дечани с пустыми руками. Кир Спиридон, который из-за этого потерял почти все

свое состояние, запричитал, принялся рвать остатки волос, которые еще произрастали на его голове под шапкой небесной, продал мулов, рассчитал погонщика и пешком отправился домой только что не побираясь. Таким образом, в Белград он попал не в день Крестовоздвижения, как собирался и как обещал слепому, а намного, намного позже.

"У дороги срока нет", – думал слепой, напрасно дожидаясь кира Спиридона и молитвы. Стояла осень, и был тот месяц, в котором больше всего счастливых дней в году; туман стекал вниз по реке над своим отражением в воде, и казалось, что Дунай струится молоком. Подошли обещанные дни, когда кир Спиридон должен был вернуться из своего путешествия. Но его все не было и не было. Слепец дождался Крестовоз-движения, подождал еще один день и одну ночь, а потом решил, что купец, возможно, уже прошел через город и оставил под камнем обещанную молитву. Он нащупал камень в церковном дворе, приподнял его и нашел там не одну молитву, а две. Тут глаза его наполнились слезами, и через эти слезы он снова начал видеть. Сам не свой от счастья, недавний слепой вернулся к прежним делам, опять вернулся к торговле, и во всем ему везло, как никогда. Он снова торговал ароматическими маслами и, как и раньше, путешествовал по царским дорогам в царский город и обратно. Однажды, возвращаясь нагруженный товаром, оказался он в Белграде возле церкви Святой Пятницы, где какой-то слепой попросил у него милостыню. Торговец схватился за пояс с деньгами, но слепой от денег отказался: ему нужна была молитва об исцелении глаз. Торговец был потрясен – по голосу он узнал кира Спиридона, у которого в позапрошлом году сам просил об этой же молитве, когда тот проходил здесь по пути в Царьград.

– Разве твоя молитва тебе не помогает? – спросил торговец кира Спиридона.

– Не помогает, – ответил кир Спиридон. – Я еще тогда в одном монастыре узнал для тебя молитву, но тут со мной случилась беда, я задержался, в дороге меня застала зима. Когда я попал сюда, то решил

оставить под камнем ту молитву об исцелении зрения, которую принес тебе. Но стоило мне приподнять камень, чтобы шепнуть под него молитву, как я тут же и ослеп.

– Значит, молитву, которая меня исцелила, не ты положил под камень, не ты, а кто-то до тебя, – сказал тогда торговец слепому киру Спиридону.

Понимаю! Кто-то другой, – ответил кир Спиридон в отчаянии.

– Так вот, тот, кто до тебя оставил под камнем молитву, кто бы он ни был, оставил там не одну молитву, а две. И вторую молитву я дам тебе, но только она не сможет вернуть тебе зрение, потому что она не для глаз. А для чего эта молитва, я тебе скажу.

Тут бывший и нынешний слепец сели возле мулов обедать вместе с погонщиками, а после обеда торговец ароматическими маслами сказал киру Спиридону:

– Ты родился под знаком Стрельца. Это девятый знак Зодиака, он соответствует последнему осеннему месяцу лунного календаря, Солнце проходит через этот знак с 22 ноября по 20 декабря. Твой знак принадлежит к стихии Огня, это мужской, активный и переменчивый знак. Твое созвездие находится на южном небе, и Млечный Путь в твоем знаке сияет ярче всего… Именно поэтому, если Стрелец промахнется, как промахнулся ты, он упускает свою цель. Но не впадай в отчаяние. Девиз твоего созвездия говорит: "Видим, царица, твою голову, украшенную дивно двенадцатью звездами. Укажи нам путь, чтобы мирно прошли мы туда, в вечную обитель…" Юпитер – добрая и справедливая планета, он управляет в твоем знаке, как у себя дома. Он – хранитель твоей судьбы и может тебе помочь…

Но помочь тебе могу и я. Потому что я понимаю – торговцем тебе уже не быть, слепой не может считать деньги, зато у слепых самый

острый нюх, и ты сможешь мне помогать, будешь читать запахи, объяснять мне, что они значат и чего требуют ароматические масла и мази. Благовонные смолы и соли, благоухание трав и дыхание цветов – это всегда обещания, которые от нас чего-то требуют. Каждый запах останется непрочитанным письмом, если ты вовремя не поймешь, чего он требовал в твоей жизни. Что же касается молитвы, то она гласит:

Душа на Востоке, сердце на Западе,

Юпитер, помоги!

В течение года, начиная с сегодняшнего дня, каждый раз, как только ты произнесешь эту молитву, ты будешь становиться моложе на три дня. Это станет возможным благодаря тому, что твоя планета возьмет эти дни жизни у кого-то, кто так же, как и ты, находится в ее власти, то есть под знаком Рыб.

Рыбы

Первое письмо

Subject: Шестнадцать дней и пятьдесят ночей.

Дорогой господин профессор.

Пишу Вам, потому что я никогда не спала с Вами. А если кому-то, как мне сейчас, хочется излить душу и попросить совета, ему необходим именно такой человек. Короче говоря, Вы – тот, в кого я верю.

Вы меня, конечно, не помните, хотя я два года училась у вас. Правда, может быть, Вы не забыли, как однажды к Вам подошла черноволосая студентка первого курса и сказала:

– Ты самая грациозная женщина на свете. Когда ты идешь, ты вся колышешься… Этой студенткой была я.

Я, со своей стороны, не забыла одну Вашу фразу: "Литературу ведет в будущее читатель, а не писатель". Я помню Вашу лекцию о "парных" и "непарных" стилях в литературе и искусстве. Вы тогда сказали, что в любой момент истории внутри любой культуры существуют по крайней мере три художественных стиля, они пересекаются и дополняют друг друга или противостоят друг другу: осень уходящего стиля, весна нарождающегося стиля и лето стиля, находящегося в расцвете и доминирующего в искусстве. Еще Вы сказали, что новый стиль (то есть "весна") в своем стремлении победить стиль ведущий ("лето") пользуется опытом не своего непосредственного предшественника, в приемами уже угасающего стиля (то есть "осени"). Потому что и "весна", и "осень" имеют противоречащий "лету" характер.

Теперь, когда Вы знаете, что я действительно та, за кого себя выдаю, можно перейти к делу. Дорогой Господин профессор, хочу задать вам несколько вопросов, на которые у меня ответов нет.

Когда женщина начинает стареть? Приводит ли к смерти то, что заставляет стареть? Со мной с некоторых пор происходят странные вещи… В моей жизни поселилась болезнь. Совершенно неизвестная болезнь. Если речь вообще идет о болезни. Чтобы не думать об лом, я купила губную помаду десяти разных оттенков и стала рисовать. На листах цветной бумаги – от серебряной до фиолетовой – я запечатлела свои поцелуи, и получились цветы. Шлю Вам на память несколько таких картинок.

Все началось незадолго до того, как НАТО стало бомбить Югославию, кажется в марте 1999 года. Может быть, и раньше, но я не обратила на это внимания. Как-то раз я поехала по делам в Нови Сад. Вымыла полосы чаем и села в машину. Светило солнце, Дунай, обогнув Фрушка Гору, двигался мне навстречу, но, подъехав к новисадскому мосту, еще в Петроварадине, я поняла, что дальше мне дороги нет. Не

знаю, почему я была твердо уверена, что для меня перебраться через реку невозможно. Вы не поверите, но я развернулась и отправилась назад в Белград, плюнув на все свои дела, хотя другие машины без каких-либо проблем достигали противоположного берега. Сегодня этого моста нет. Его разбомбили, и теперь на самом деле никто не может переправиться через реку. Но я-то, почему я не могла сделать этого уже тогда, до всех этих самолетов и бомб?

Но этим дело не кончилось. Нечто похожее повторилось, причем тоже очень странным, ненормальным образом. Мы с приятелем собирались пойти в кино. Договорились встретиться в четверг, в шесть часов, у кинотеатра "Малый Одеон". Я пришла туда прямо с работы, но мой друг не появился. Мужчины, с которыми я встречаюсь, так обычно не поступают. Допускаю, что глаза у него как яйца всмятку, допускаю, что он не из тех, под кем кровать ходуном ходит, но чтобы вот так взять и не прийти – такого за ним до сих пор не водилось. Потом он звонит мне и спрашивает, почему я не пришла к кинотеатру.

– Ты имеешь в виду три дня назад, в четверг? – спрашиваю я.

– Четверг был вчера, – отвечает он, – посмотри газету.

По газете получалось, что он прав. Но мне от этого легче не стало. Его четверг отставал от моего четверга. И не только его четверг, но и четверги всех остальных людей. Ужас!

Получалось, что я забегаю вперед. Причем мне не сразу удалось рассчитать насколько. И получалось, что весь город отставал. То, что для меня было вчера, для них было завтра. За один день я уходила вперед на три дня. Если все это так, если я ежедневно проживаю по три дня, то при встрече двадцать первого века все окружающие отстанут от меня на тысячу дней и войдут в двадцать первый век через тысячу дней после меня. Чей Новый год будет правильным? И до каких пор будет продолжаться такое мое ускорение или их замедление?

Профессор, я простая девушка, меня зовут Теодора, я слушаю музыку языком, ложась спать, надеваю на себя только мелодию "Шестнадцать дней и пятьдесят ночей". Мой поцелуй напоминает мокрое серебро, а пахну я, извините, как все женщины, улитками. Почему именно со мной происходит такое? Помогите!

Ответ на первое письмо

Subject: Время в молочном пакете.

Дорогая моя Т.

Я получил Ваши картинки. И письмо с тремя вопросами. Когда женщина начинает стареть? – один из них. Я вижу, Вы помните мою лекцию о четырех временах года. Любовь в жизни женщины тоже имеет гнои времена года. Свою весну, лето, осень и зиму. Мы должны вести себя в любви соответственно времени года. Ведь если Вы будете зимой ходить в одной рубашке, то простудитесь. Нельзя забывать и еще об одном. Внутри каждого времени года есть свои собственные, крохотные времена года. Их тоже четыре. Например, лето любви имеет свои совсем маленькие осень, зиму, лето и весну. То же самое и с другими временами года. Все они делятся на четыре части. Нужно обязательно знать, в каком из этих внутренних времен года любви Вы находитесь, и вести себя в соответствии с этим. Если Ваша любовь переживает зиму, Вы должны знать, что это за часть зимы – вес-па зимы, или лето, или осень. Или, может быть, зима Вашей зимы. Помните, всякому овощу свое время. Ивсе у Вас будет как положено, все встанет на свои места. А когда придет зима Вашей зимы, Вы будете ждать весну. Но это будет весна не прежней любви, а какой-то новой…

Вот что я хотел сказать о времени, когда женщина начинает стареть. На второй вопрос отвечу позднее, а сейчас перейдем к самому важному.

Главный вопрос Вашего письма касается "замедления" и "ускорения", как Вы выразились.

Судя по всему, речь идет о нарушении течения Вашего времени. В чем состоит это нарушение, Вы поймете, если представите себе время как пакет с молоком. Вы пользуетесь молоком, расфасованным в пакеты, и точно в таком же виде Вы получаете время. Чтобы получить содержимое, мы отрезаем один уголок пакета, а три других остаются нетронутыми. Почему молоко не выливается из отверстия, когда мы отрезаем уголок? Этому препятствует земное притяжение, до тех пор пока отверстие обращено в сторону неба. Точно таким же образом Вечность не дает выливаться Вашему времени. Но что случится, если в Вашем пакете кто-нибудь проделает еще одну дырку? Ваше молоко, то есть Ваше время, будет вытекать. Его количество будет уменьшаться и тогда, когда Вы это не тратите.

Вы пишете, что чувствуете, как быстро течет Ваше время. И говорите, что это отражается на Вашей внешности. Я думаю, можно предположить, что кто-то проделал дырку в Вашем пакете со временем и сосет его. А пакет быстрее, чем это обычно бывает, заполняется Вечностью. Вам необходимо обнаружить похитителя времени. Того, кто пьет Ваше время. После этого, возможно, в дело будет внесена ясность.

Всего наилучшего. Ваш бывший преподаватель Л.

Второе письмо

Subject: Неужели мое позапозавчера – это Ваше сегодня?

Дорогой профессор.

Как найти похитителя? И только ли я одна забегаю вперед, в то время как все окружающие, весь народ и вся страна отстают все больше и больше? Может быть, подобное случается с кем-нибудь еще?

Может быть, Вы тоже уходите вперед, или мое позапозавчера – это Ваше сегодня? Может быть, мы превращаемся в кастовое общество, где каждая каста живет в своей собственной реальности. И в своем собственном времени. Не веря в существование чего-то иного. Чья действительность настоящая, не виртуальная? И в чьем времени живу я? Мне страшно…

Ответ на второе письмо

Subject: 13 кухонных языков.

Дорогая моя Т.

Есть одно старое, разработанное для нужд богословия учение о тринадцати кухонных языках. О тех самых, что были розданы людям на Вавилонской башне. На этих языках люди впервые начали ссориться и таким образом потеряли истину. Учение утверждает, что человеческая мысль не бывает прямолинейной, но, как только к ней прикоснется любой из вышеупомянутых языков, она превращается в улицу с односторонним движением. И вот для того чтобы понять мысль, для того чтобы узнать ее истинное значение, ее надо перевести на тринадцать разных языков. И тогда в междузначии рождается истина. Истина, следовательно, содержится не в языке, а в междусмыслии разных переводов одного и того же текста.

Вот в чем заключается мой совет. Вспомните, кто может быть Вашим врагом. Вступите в разговор или переписку с тринадцатью лицами, которых Вы можете заподозрить в том, что они являются причиной Ваших неприятностей, что они воруют Ваше время.

В разговоре или письме задайте им один и тот же, заранее придуманный вопрос. Когда они Вам ответят, в междузначии и междусмыслии ответов, как Млечный Путь среди звезд, блеснет истина.

Кто из тринадцати угадает эту общую истину, тот скрывает свою истину. Он-то Вам и нужен, он и есть похититель Вашего времени.

Третье письмо

Subject: Междузначие.

Дорогой профессор.

Один и тот же вопрос я задала тринадцати друзьям или, если хотите, врагам. Ответы я получила разные, и они были на разных языках. Один сказал, что его сердце на Востоке, а душа на Западе, другой – что у него и сердце и душа на Западе, третий – что и сердце и душа на Востоке, четвертый – что сердце и душа у него ни на Востоке, ни на Западе, и т. д.

Все тринадцать ответов я ввела в компьютер, и он выдал мне междузначие. Вот оно:

Душа на Востоке, сердце на Западе.

Это междузначие не угадал никто. Следует ли объяснять это тем, что среди тех, кому я задавала вопрос, нет похитителя моего времени? А если это так, то, следовательно, нет решения моей проблемы?

Ответ на третье письмо

Subject: По какому пути спустилась Ваша душа?

Дорогая Т.

Под каким знаком Вы родились?

Четвертое письмо

Subject: Лечение времени.

Дорогой профессор.

Я родилась под знаком Рыб (Pisces); это двенадцатый и последний знак Зодиака, он соответствует третьему лунному месяцу зимы. Солнце проходит через этот Зодиак с 18 февраля по 20 марта. Это женский знак стихии Воды, пассивный и непостоянный. Вы знаете, что созвездие Рыбы находится рядом с экватором. Созвездием управляет планета Нептун и (как соправитель) планета Юпитер. Девиз моих звезд таков: "Из звезды в Луну, из Луны же в Солнце превращайся в добром сиянии. Владея тобою, огнем твоим жестким, не дам я свече в себе угаснуть..."

Это все, что я могу сказать, отвечая на Ваш вопрос. Надеюсь, это поможет при лечении моего времени. Заранее спасибо.

Ваша Т.

Ответ на четвертое письмо

Subject: Юпитер в действии.

Дорогая Т.

Формула, которую Вы открыли в поисках междузначия слов Ваших собеседников, существует уже в течение веков. В начале XVIII столетия она использовалась среди городского населения в бассейне Дуная как молитва Юпитеру о долгой жизни. Следовательно, получается, что виновника Ваших затруднений надо искать в далеком прошлом, а не в настоящем. Возможно, что Ваши дни использованы или, если хотите, украдены три века назад. Тот, кто их потратил, должен был, так же как и Вы, находиться под властью Юпитера. Значит, он мог быть рожден

под знаком Стрельца. Судя по всему, он был купцом. На это указывают и слова молитвы. Он путешествовал с Востока на Запад и с Запада на Восток. Не следует забывать, что под властью Юпитера находятся и деньги.

Вам, однако, не надо слишком беспокоиться о том, что с Вами происходит. Может быть, все не так уж и плохо. Юпитер – добрая и справедливая планета. Он не нанесет Вам ущерба. Как один из повелителей Вашего созвездия, он скорее всего даже предоставит Вам защиту. Тот, кому Юпитер передал Ваши дни, был в более затруднительном положении, чем Вы сейчас. С другой стороны, Вам очень повезло, что Вы обнаружили утечку времени из Вашего "пакета", узнали, что у Вас крадут время и жизнь. Мне кажется, что не так уж плохо узнать, что у тебя воруют время. В отличие от других, Вы хотя бы осознаете свое положение. Вы даже могли бы сказать, что Юпитер дал Вам способность видеть будущее. Но нет! Вы (и другие такие, как Вы) не нуждаетесь в предсказании будущего, Вы уже в будущем.

Гораздо хуже то, что происходит с нами, с остальными. Ведь наверняка и среди нас есть такие же обкраденные, как и Вы. Может быть, кто-то высасывает из нас время, как кровь, но мы этого не замечаем, потому что у нас заржавели глаза. Может быть, это мы живем с опозданием в три дня за один день, отбрасывая во все стороны быстрые тени. Может быть, некоторые из нас никогда не заметят того, что в их времени происходит утечка. И если Ваше время ворует какой-то купец, живший триста лет назад, наше время, возможно, высасывает кто-то живущий сегодня…

Короче говоря, даже с учетом всех минусов, Вы находитесь в лучшем положении, чем я. Вы не попали в одну сеть вместе со всеми нами, Вы из нее ускользнули. На тысячу дней раньше других оказаться в будущем – это, пожалуй, стоит того, чтобы заплатить такую цену, как Вы, – прожить по три дня за каждый день.

Теперь о старении. Данте и Пушкин говорят, что жизнь имеет две половины. Данте вспоминает, как он "земную жизнь прошел до половины", а Пушкин знает, что есть "поворот наших лет". Они не сказали, когда мы доходим до середины жизни. По-моему, это где-то около сорока лет. В таком возрасте человек обретает равновесие. Сколько проигрывает в чем-то одном, столько же выигрывает в чем-то другом. Это продолжается до тех пор, пока не перестаешь проигрывать. Тот, кто перестает проигрывать, перестает и выигрывать. Круг замыкается. Следовательно, то, что заставляет стареть, не приводит к смерти…

ДЕВА И БЛИЗНЕЦЫ

Дева

Нужно вовремя открыть свое прошлое, ведь у него тоже есть свой срок годности и он может истечь, думала однажды вечером несостоявшаяся пианистка Архондула Нехама. Она решила разузнать все, что касалось происхождения доставшегося ей наследства, и открыла следующую семейную историю.

Ее дед Нехама во времена существования Королевства Югославии был банкиром и жил на улице Господаря Еврема. Балкон его квартиры выходил прямо на небольшое здание начала XIX века, в котором когда-то был основан университет, а затем, век спустя, устроен музей его основателя – писателя и члена ложи вольных каменщиков. В первые дни немецкой оккупации Нехама со своей семьей бежал из квартиры на улице Господаря Еврема в Албанию, оккупированную в то время Италией. Это спасло ему жизнь, потому что итальянские власти преследовали евреев не так жестоко, как немцы.

Вернувшись после окончания войны в Белград, Нехама сразу же отправился в свою бывшую квартиру на улице Господаря Еврема и застал там новых жильцов. Он представился, сказал, что до войны жил

в этой квартире и что у него остались здесь кое-какие вещи. Потом попросил ненадолго оставить его одного в самой большой комнате, через несколько мгновений вышел оттуда, поблагодарил любезных хозяев и навсегда покинул этот дом. Перед бегством в Албанию он спрятал в углу комнаты, под паркетной доской, половину фамильных драгоценностей, а другую забрал с собой. Теперь, вернувшись, он нашел драгоценности на месте и унес их с чувством огромного облегчения.

Драгоценности Нехама оставил в наследство своей будущей внучке, если она родится, кроме того, он завещал ей дом, наказав хорошо за ним смотреть. Удивительно, но после смерти старого Нехамы никто не смог обнаружить принадлежавший ему дом, тот, который Архондула смогла бы получить в наследство. Так никто в семье и не сумел разгадать эту загадку. Нехама был женат на гречанке из Салоник и после войны поселился вместе с женой на Кипре. Его дочь вышла замуж за грека-пианиста, а внучка, Архондула, желая пойти по отцовским стопам, стала учиться игре на фортепиано. В качестве артистического псевдонима она взяла фамилию своего деда, которого никогда не видела, но от которого получила в наследство драгоценности и необнаруженный дом. Имя деда оказалось более долговечным, чем увлечение музыкой.

Хотя по ее бровям всегда было видно, что за произведение она исполняет, музыка не была настоящим призванием Архондулы.

В Белград ее не возили ни разу, училась она в Афинах, потом жила на Кипре. От Моцарта осталось только воспоминание о прикосновении пальцев к слоновой кости клавиш. Еще она запомнила удивительную историю, услышанную в консерватории от студентов.

Итак, рассказывали, что в Эстремадуре есть один дом, перед входными дверями которого находится лестница любовного страха, имеющая, подобно стремянке, две стороны. Если женщина или мужчина поднимались по лестнице вверх с любовным страхом в сердце, их страх

возрастал до восьмой ступеньки, то есть до площадки перед входной дверью. Если из-за этого страха тот, кто поднимался, не хотел входить в дом, то он (или она) делал несколько шагов по площадке и спускался вниз уже по другой стороне лестницы, причем страх сначала уменьшался, а потом совсем исчезал. Говорили, что ступеньки лестницы были просто имитацией гаммы, которую каждый, кто почувствует любовный страх, мог мысленно пропеть снизу вверх: do-re-mi-fa-sol-la-si-do, и тогда страх достигнет высшей точки, а потом, стоит только начать петь гамму от верхнего тона к нижнему, он начнет уменьшаться и в конце концов пропадет совсем…

Когда Архондула решила оставить музыку, она села за рояль и заиграла гамму снизу вверх, ей пришлось сыграть две октавы, и только на третьей октаве страх от принятого решения достиг своего апогея. Тогда она сыграла гамму сверху вниз: do-si-la-sol-fa-mi-re-do – и захлопнула крышку. Она навсегда убила в себе страх перед музыкой.

Завершив таким образом свою музыкальную карьеру, Архондула обратилась к вещам более практическим и надежным, заниматься которыми можно было без особого риска. Она поступила на работу, а на досуге стала все чаще и чаще думать о завещании своего деда.

– Может быть, он имел в виду, что я использую драгоценности для покупки дома, – предположила она и стала искать себе что-нибудь подходящее. Хлопоты, связанные с покупкой недвижимости, стали причиной нового приятного знакомства. Некая Агата была в такой же степени несостоявшимся архитектором, в какой Архондула – несостоявшимся музыкантом. Это обстоятельство и послужило основой их сближения.

Агата была готова и, главное, способна помочь Архондуле при покупке дома.

– Ищи дом для того, с кем будешь жить, – сказала она новой подруге.

Архондула была не слишком везучей в любви. После двух-трех ничего не значащих ухаживаний она все еще оставалась девушкой. Когда ее охватывало желание, она клала себе под платье зеркальце, чтобы приворожить суженого, но в ее жизни ничего не менялось. Вечерами, вместо того чтобы в мыслях рисовать проект дома и расстановку мебели, она все чаще мечтала о мужчине, именем которого можно было бы умываться каждое утро. Но нравилась она в основном старикам.

"В конце концов, я могу жить в своем доме и без посторонней помощи, – подвела она итог своим размышлениям, – я могу и одна отражаться в зеркале те полчаса в день, которые на это трачу".

Архондула считала, что важнее подсчитать количество окружающей человека ненависти, чем количество окружающей его любви. Ненависть она умела подсчитывать точно. После таких подсчетов она спокойно спала три ночи с одной и той же улыбкой на лице.

Подруги взялись за поиски дома вместе. Агата оказалась приятной спутницей. Они путешествовали по островам Средиземного моря и разглядывали дома, предлагавшиеся на продажу. Заодно Агата занималась некоторыми своими делами, которые умела отлично организовывать. На самом деле она все еще любила свое неосуществленное призвание, как любят петь люди, лишенные слуха. Она придумывала невероятные конструкции, дома из стекла, залы, устланные тройным слоем ароматов вместо ковров, подводные дворцы и т. д. Она знала толк в изысканных изделиях из дерева и в мудро вытесанных камнях. Она была поклонницей архитектуры Гауди и в еще большей степени поклонницей его интерьеров. В Барселоне она пыталась купить для Архондулы что-нибудь из его вещей, но это ей не удалось. О пребывания Агаты в Испании свидетельствуют оставшиеся письма о Гауди, отправленные по электронной почте Архондуле,

которая сбросила их в Интернет, где теперь можно найти и прочитать их по адресу:

www.geocities.com/ongaudi/

под заголовком "Гаудиевы конюшни" и "Гаудиевы спальные комнаты".

– Пусть читают, кому это нравится, – сказала Архондула Агате, – мне достаточно крыши над головой и ключа в замке. А все остальное – глупости.

Иногда с Агатой происходило что-то странное. Архондула замечала, что время от времени она начинает говорить с трудом. Причем это не было заиканием. Агата растягивала некоторые слоги, как будто бы кривлялась, но делала это неосознанно. Она говорила нараспев, как певчий в греческой церкви. А иногда эта манера напоминала дикцию актеров японского театра Но. Как-то раз Архондула даже спросила подругу, почему она не говорит нормально и что вообще это значит. Агата не смогла ответить. Она думала, что говорит так же, как все. Архондула поняла, что ее приятельница не знает о своем речевом дефекте.

Надо сказать, что такое растягивание слогов в разговоре особенно явно проявлялось тогда, когда Агата была в компании.

Чем больше людей было вокруг, тем сильнее у Агаты проявлялась ее странная особенность. Как будто бы каждому, с кем она говорила, должны были достаться от нее слоги или фразы, произнесенные нараспев. В большинстве своем люди не обращали на это внимания, но были и такие, которые вдруг замолкали, с удивлением смотрели на Агату, глубоко задумывались или даже уходили.

Дела, связанные с покупкой дома, шли медленно, по успешно.

Время от времени Агата выдумывала что-нибудь необычное. Однажды она услышала, что есть архитектор, который проектирует новые дома для жителей одной деревни, пострадавшей от землетрясения. Деревня находилась где-то на севере Балкан. В каждом доме там гнали собственную ракию. По ее вкусу – особому в каждом доме – можно было узнать все о самом хозяине, об остальных домочадцах, об их образе жизни и склонностях.

Принимая во внимание разный вкус ракии, архитектор Куцина – таково было его имя – проектировал разные здания. Каждому хозяину он построил особенный дом, в зависимости от вкуса, крепости и цвета напитка, который тот изготовлял и употреблял.

Само собой разумеется, о таких заумных вещах Архондула не захотела и слушать.

Как-то раз Агата оставила своей подруге на автоответчике сообщение о том, что этим летом на греческий остров Гидра приедет один знаменитый мексиканский архитектор. Агата собиралась ехать туда, чтобы попытаться договориться с ним о встрече, потому что, возможно, этот архитектор сможет предложить Архондуле то, что она хочет. В момент разговора Агата находилась в Ларнаке, а Архондула у себя дома, в Лимасоле. Архондуле с трудом удалось разобрать сообщение, потому что Агата очень сильно растягивала некоторые слоги. Пленку пришлось прослушать несколько раз.

В конце концов она поняла, что Агата предлагает ей встретиться в аэропорту в Ларнаке 22 мая 1999 года, чтобы оттуда в 21.45 вылететь в Афины, а потом на "Летящем дельфине" доплыть до Гидры.

Однако Архондула опоздала на самолет, а так как встреча с архитектором уже была назначена на определенное время, Агата полетела из Ларнаки одна, в надежде, что подруга вылетит следующим рейсом и присоединится к ней уже на Гидре.

Но все произошло иначе. Самолет, в котором летела Агата, разбился, и ни одного пассажира не осталось в живых. Архондула узнала об этом прямо в аэропорту и, ошеломленная, вернулась домой. Она машинально включила автоответчик и сразу же услышала голос своей подруги. Это было уже известное Архондуле сообщение, в котором Агата договаривалась о встрече в аэропорту 22 мая 1999 года. Архондула сидела, слушала, и ей казалось, что у нее нет тела.

Теперь она по-новому услышала текст сообщения. Оно напомнило ей какую-то молитву. Непосвященный не понял бы ее смысла. Но тот, кто знал, как слушать, выбрал бы только одни растянутые слоги, соединил бы их в слова и понял тайный смысл сообщения. Архондула не могла сделать это на слух. Она снова включила автоответчик и записала длинные слоги. Так она получила от Агаты новое, тайное сообщение:

Существует то, что можно назвать "вторичной смертью". Когда тебя убьют или ты умрешь, то только через сорок дней поймешь, что именно с тобой произошло, до этого ты просто не будешь знать, что мертв. В течение этих сорока дней ты сможешь все делать так же, как если бы ты не был мертв. Все это время тебе будет казаться, что ты живешь как раньше,ешь, пьешь, испытываешь влечение, занимаешься любовью или путешествуешь, все так же, как если бы ты продолжал жить. А на сороковой день ты слепнешь для этого мира. И это конец…

Докопавшись до истинного смысла, Архондула спросила себя, а что если Агата передавала людям такие сообщения, сама того не сознавая? И тогда она приняла решение. Она поедет на Гидру и увидится со знаменитым архитектором, с которым ее покойная подруга договорилась о встрече. Поедет ради Агаты, а не ради этого долбаного архитектора. Ведь если тайное сообщение ее подруги говорит правду, то Агата, возможно, тоже будет там, все еще не зная о том, что умерла. Если верить ее собственным расчетам, она не будет знать о том, что умерла, вплоть до 30 июня и сможет каким-то образом присутствовать на встрече Архондулы и архитектора, которую сама же и организовала.

"Такую встречу втроем я не пропущу ни за что на свете", – подумала Архондула, однако на всякий случай все-таки прочитала в газете свой гороскоп на следующий день. Вот что там было написано:

"Дева (Virgo), шестой знак Зодиака, соответствует последнему лунному месяцу лета. Солнце проходит через это созвездие с 23 августа по 22 сентября. Находится под властью Меркурия. Дева – женский знак стихии Земли, пассивный и непостоянный. Ее число – 7. Созвездие Девы, главной звездой которого является Денебола, расположено к северу от небесного экватора. Если вы родились под этим знаком, то будете выносливыми в жизни и непостоянными в помыслах. Будете много требовать, но мало отдавать… В 28 лет в вашей жизни произойдет перелом, и если вы его перенесете, то доживете до глубокой старости. Самое большое счастье выпадет вам в июне, но его присвоит кто-то другой. Девиз созвездия гласит: "Когда же из лодки нашего тела выйдет душа, словно воздухом птица, она полетит наверх. Раздробили свирель, но осталось тебе умение играть на ней…"". Что же касается завтрашнего дня – избегайте воды и незнакомых мест. Благоприятное время для путешествий.

– Зарезервируйте мне, пожалуйста, на завтра авиабилет на рейс Ларнака-Афины и билет на судно "Летящий дельфин" Афины-Гидра, – произнесла Архондула в телефонную трубку.

Близнецы

– Вы госпожа Архондула Нехама? – спросил меня с берега незнакомый человек, когда я сошла с "Летящего дельфина" на берег Гидры. Он стоял на причале и держал на руках, прижимая к сердцу, какого-то мальчика.

Оказалось, этот человек пришел меня встречать. Он знал, что я собираюсь увидеться со знаменитым мексиканским архитектором, и помог мне обосноваться на острове. Его звали Димитрис Хермер, а о

моем приезде ему было сообщено неделю назад. Он был наполовину грек, владел ювелирным магазином и кроме украшений продавал в нем еще и кукол с меня ростом; у них были прекрасные прически, нарумяненные и набеленные лица, а вместо тела, рук и ног шелковые платья, перчатки и чулки. Он сразу же сфотографировал меня среди этих кукол, усадив их таким образом, будто они обнимают меня. В мгновение ока я узнала о Димитрисе все, что нужно знать о человеке, с которым вам еще предстоит, встречаться.

Он умел считать и измерять длину и вес на всех языках. Один раз в году, а именно 4 июня, он разрешал всем желающим что-нибудь украсть в своем магазине. В этот день он оставлял незапертыми те витрины, где лежали предметы, которыми он готов был пожертвовать. И люди воровали, а он делал вид, что не замечает.

– Что-то надо и богам отдать, – говорил он.

На острове его все любили – дети, картежники, воры, он всегда был к услугам тех, кто приезжал сюда по делам. Жил он не за счет магазина. Средства к существованию ему обеспечивала торговля полевыми улитками, о которых он рассказывал чудесные истории. В Албании у него было небольшое предприятие но их переработке. Улиток он очень дешево покупал и Югославии и потом очень дорого продавал, уже в замороженном виде, по всему миру. Он хорошо пел и танцевал, имел дипломатические способности и мог быть отличным посредником при купле-продаже недвижимости. На Гидре жил потому, что любил ее. Постепенно и я начала привыкать к этому гористому острову, на котором было полно уродливых кошек и лестниц для ослов, рассчитанных не на две, а на четыре ноги.

Растения на Гидре источают пьянящий запах; сквозь сети, сплетенные горячими и холодными ароматами, пролетают кузнечики размером с воробья и ударяются о церковные колокола, издающие слегка фальшивый звук. Ветер с Пелопоннеса пахнет эгейской солью, и чувствуешь мурашки на шее, как может их чувствовать только

женщина, в тебе растет желание, а петухи-гермафродиты кудахчут рядом, будто они только что снесли яйцо. Внизу, на причале, погонщики мулов – единственного средства передвижения на острове – поминутно достают мобильные телефоны из сумок, перекинутых через спины животных, и принимают заказы на перевозку. Такси существует только в виде катеров, и на этих маленьких суденышках пассажиры катаются вокруг острова, причем при необходимости могут пересаживаться с одного катера на другой, когда они движутся параллельным курсом, просто перешагнув с одной палубы на другую.

Димитрис сразу же сообщил мне, что встреча с мексиканским архитектором произойдет во время морского путешествия, которое устраивают его друзья. Одна супружеская пара из Мексики, владеющая огромной яхтой, стоявшей сейчас у причала на Гидре, собиралась вместе с архитектором совершить поездку к Кикладским островам. Путешествие должно было продолжаться дней десять, и Димитрис уже с большим жаром готовился к нему. Кроме нас двоих на яхту пригласили еще какого-то доктора, и теперь все ждали его приезда.

Этот доктор – недостающий пассажир – жил в Белграде и работал там в больнице. Всегда, когда мог, он приезжал на Гидру и вместе с Димитрисом и его друзьями плавал по Эгейскому морю. Его давно знали на острове, но сейчас говорили о нем только страшным шепотом. В Югославии шла война, НАТО сбрасывало на Белград и всю Сербию свои бомбы. Димитрис постоянно звонил другу, волнуясь за его жизнь. От Димитриса я узнала о докторе кое-какие подробности. Как только начались бомбардировки, Димитрис пригласил доктора на остров, но тот не мог во время войны оставить работу в больнице. Однажды крылатая ракета попала в дом рядом с больницей. Взрыв разрушил и часть больницы, доктора вытащили из-под обломков, домой он пришел в каком-то оцепенении, ощущая все симптомы контузии. Той же ночью он смотрел по телевизору репортаж CNN о последних бомбардировках Белграда и увидел кадры, снятые камерой, установленной на одной из крылатых ракет. Ракета имела устройство для поиска поражаемой цели, а целью был балкон на верхнем этаже какого-то дома. Ракета должна

была влететь в здание через балконную дверь и взорваться в тот самый момент, когда изображение цели, заложенное в поисковом устройстве, совпадет с изображением реального белградского балкона в телекамере ракеты. К своему ужасу, доктор узнал балкон, а потом увидел взрыв, после которого изображение пропало. Это был взрыв, разрушивший часть больницы. Доктору казалось, что он смотрит кадры собственного расстрела. Это произошло ночью 28 мая 1999 года…

Трудно было поверить, что этот человек сможет вместе с нами совершить путешествие по островам Киклады, намеченное на июнь. Теперь, когда война была закончена и НАТО прекратило бомбить Белград, доктор мог оставить свою страну. Димитрис договорился о том, что его перевезут на микроавтобусе через венгерскую границу до Будапешта, а оттуда он вылетит в Афины. Утром Димитрис позвал меня выпить кофе на набережной в "Пирате", а потом вместе встретить нашего гостя. Доктор приехал на "катамаране", быстроходном прыгучем катере на воздушной подушке. На трапе он появился с трубкой в ослепительно белых зубах. Он улыбался в усы цвета табака "Три монашки". Димитрис, подшучивая над доктором, говорил, что как-нибудь за неимением табака тот выкурит собственные усы. Димитрис троекратно расцеловался с доктором, затем представил нас друг другу. Доктор вынул изо рта трубку и покровительственно поцеловал меня в челку. Дым от его трубки проник в мои волосы, и я почувствовала мурашки на шее. Как может их почувствовать "только женщина. Запах трубки имел густую и сладкую подкладку.

– Думаю, можно отправляться в плавание, – весело заявил доктор. И его слова претворились в жизнь уже на следующий день. Яхта ходила под голландским флагом, на ней имелись десять комфортабельных кают и два члена команды. Приняв на борт гостей, она осталась стоять у причала, а нам в кают-компании предложили мексиканский ужин – очень острую желтую фасоль, тортилью с авокадо и молотым мясом, шарики из зелени и текилу.

– Я бы могла питаться только запахами! – сказала я доктору. – Они бывают и постными, и скоромными.

Он засмеялся и сказал:

– Да, здесь вы сможете завтракать и запахами. Например, яйцом всмятку с жидким запахом водорослей. Этот запах чувствуют рыбы. Или рогаликом с запахом белладонны. Кошки этот запах не только чуют, но и видят.

На яхте, не считая Димитриса, находились ее владельцы, доктор, я и красавец архитектор, который выглядел намного моложе своей славы и каждое утро, надев новую рубашку, казался другим человеком.

– Чужой костюм выглядит на нем вдвое дороже, чем на хозяине, – сказал Димитрис об архитекторе. Сам он для путешествия на яхте надел плотную футболку, в одно ухо у него была вдета серебряная улитка. Им были продуманы все детали путешествия. Он руководил нашим плаванием в гораздо большей степени, чем владельцы яхты.

– Это наш психотерапевт, – смеясь, сказал о Димитрисе доктор, которого во время нашего первого ужина посадили рядом со мной. Он вдруг схватил мою руку, насыпал мне на ладонь соли, слизнул ее и залпом выпил рюмку текилы.

Тут я заметила, что за столом все слизывают с ладони соль (правда, со своей, а не с чужой), а потом пьют текилу. Доктор налил мне и, посолив свою ладонь, протянул рюмку мне. Я смутилась и отказалась лизнуть его руку, тогда он сам слизнул с нее соль, а потом провел своим соленым языком по ободку моей рюмки.

– Можно и так, – сказал он, – но есть еще третий способ. Его оставим на потом… А что вы вообще делаете на этом судне?

– Жду, когда истекут сорок дней, – выпалила я.

– Ждете – чего?

– У меня здесь назначена встреча.

– С молодым человеком?

– Нет, с одной подругой. Мы должны были ехать с ней вместе, но она разбилась вместе с самолетом. Примерно месяц назад.

– И вы тем не менее ждете встречи с ней? Немного странно, правда?

– Да, странно, но она верила в то, что человек в течение сорока дней после своей смерти не осознает того, что он мертв, так же как сорок дней после рождения не осознает того, что он жив. Поэтому, я надеюсь, она еще появится… Она думает, что все осталось как раньше…

Тут Димитрис постучал вилкой по своей рюмке, поднялся и стал рассказывать нам о маршруте нашего путешествия и о том, как мы будем развлекаться на яхте в ближайшие дни. Самым главным и интересным из всех наших занятий должна была стать игра в карты, к которой Димитрис готовился особенно тщательно и которую он нам настоятельно рекомендовал.

Все, кроме членов команды, должны были каждый вечер в обязательном порядке играть в покер. Но это не был обычный покер. Ставки, выигрыши и проигрыши ограничивались незначительными суммами, при этом вводилось дополнительное правило, по которому можно было выбыть из игры. Выбывший на следующее утро в первом же порту должен был сойти на берег и вернуться на Гидру, где ему предстояло ждать возвращения остальных участников плавания. Это правило было обязательно для всех пассажиров и распространялось даже на мексиканскую пару, то есть на владельцев яхты, которые в том

случае, если и им случится выбыть из игры, тоже должны были бы на некоторое время покинуть свое судно.

– Если это условие принимается, – сказал в заключение Димитрис, – выпьем текилы!

И я выпила свою текилу, ощутив на ободке рюмки соль с языка доктора. Яхта дрогнула и неслышно направилась к острову Китнос.

– Моя подруга Агата все-таки не появилась, – шепнула я доктору, – но если ее расчеты были правильными, то, пока не истекло сорок дней с момента авиакатастрофы, у нее еще есть время. А сороковой день падает на тридцатое июня… Посмотрим…

Когда мы встали из-за стола, Димитрис познакомил меня с архитектором. Тот кивнул и, глядя сквозь меня в темноту над водой, сказал:

– Все спящие, включая растения и животных, находятся в одном общем мире. В одном общем доме. А как проснутся, каждый попадет в свое отдельное жилище. В свою отдельную берлогу… – Он был мертвецки пьян.

Когда на следующий вечер архитектор появился одетым для ужина и трезвым, он показался мне незнакомцем. Изменился даже запах его тела.

И вот было объявлено, что настало время для покера, который придумал Димитрис. Кстати, он-то как раз в нем участия не принимал. Раздали карты, каждый поставил сколько захотел. Брать карты дополнительно не разрешалось. Вместо этого нас пригласили в кают-компанию, где, к своему удивлению, мы увидели стол, накрытый для ужина, в глубокие тарелки был налит рыбный суп. Карты по указанию Димитриса мы держали в руках, прикрывая их друг от друга. У меня

были два валета, червовая восьмерка, двойка и одна дама. Я избавилась от двойки и надеялась, если повезет, составить комбинацию из трех валетов. Но по всей видимости, возможность получить новые карты не предусматривалась. Сели кто где хотел, принялись за рыбный суп. Неожиданно архитектор сказал:

– Удваиваю ставку!

Тут я поняла, в чем дело. На дне тарелок были изображены карты. В каждой тарелке своя. Карты у каждого из нас на руках дополнялись картой, нарисованной в тарелке. Тарелка была равнозначна еще одной вытянутой карте. Теперь кто хотел – продолжал игру, а кто хотел – пасовал. На этом игра и закончилась. Я обнаружила на дне своей тарелки червовую семерку и открыла карты. Семерка и восьмерка червей означали поцелуй.

"Лучше, чем ничего", – подумала я.

У архитектора в тарелке был бубновый туз, а так как он пришел в кают-компанию с тузами на руках, он и забрал все наши деньги.

Димитрис строго следил за картами и тарелками, и игра шла гладко, без жульничества. На следующий вечер повторилось то же самое. Но 25 июня, когда яхта бросила якорь возле острова Парос, в первый раз случилось так, что один из нас выбыл из игры. Нам было заранее известно, что из игры выходит тот, кто увидит на дне тарелки не карту, а какой-то другой рисунок. Он должен сойти на берег утром следующего дня.

В тот вечер я сидела рядом с доктором. Все ели, держа в правой руке ложку, а в левой – карты. Вдруг доктор стал есть очень быстро, и скоро на дне его тарелки вместо ожидаемой карты появилось изображение созвездия. В центре тарелки было написано:

"Близнецы (Gemini), третий знак Зодиака, соответствует третьему лунному месяцу весны. Солнце проходит через него с 21 мая по 21 июня. Знак находится под управлением Меркурия. Близнецы относятся к стихии Воды, это мужской, активный и непостоянный знак. Этот Зодиак расположен в северной части небесной сферы".

Вокруг этой надписи шла другая:

"Родившийся под этим знаком будет красивым, ловким, вызывающим зависть окружающих, у него будут отметины на голове и на ногтях. В апреле его ждут неприятности, в мае ему не следует есть зайчатину, лук-порей и петушиные головы. Девиз этого созвездия звучит так: "Засохнут пасынков ростки, по лоза добрая не увянет"".

Близнецы были знаком доктора.

Новость сразу стала известна всем, и покер, и ужин были скомканы, а Димитрис поставил самую красивую музыку из того, что взял на яхту. Цезарию Эвору и Марию Прадеро. Мы начали танцевать в свете луны. Я – с хозяином яхты, доктор – с его женой, дамой средних лет, в пышной груди которой он утонул. Потом хозяйку яхты пригласил архитектор, а меня – Димитрис. Было слышно, что в кают-компании доктор тихо подыгрывает музыке на рояле, потом он вдруг ударил по клавишам и заиграл гамму. Сыграв две октавы вверх, он остановился и начал медленно спускаться вниз. Я вспомнила лестницу любовного страха. Меня передернуло. Димитрис сказал:

– Вам холодно, ступайте внутрь.

– В прошлый раз вы не объяснили мне третий способ пить текилу с солью! – сказала я, войдя в кают-компанию.

Доктор засмеялся, подошел к столу, на котором стояли приборы, лизнул солонку и обнял меня. С берега, скользя по воде, до нас

доносился вечерний пьянящий запах татарника. Я танцевала в соленом поцелуе доктора, пока мы оба не оказались в его каюте, полностью друг в друге.

Как странно было терять невинность со звуком женского голоса Марии Прадеро в ушах.

Утром Димитрис высадил доктора на берег, поддерживая его так, как будто тот плохо видит. Мне страстно хотелось сойти вместе с ним на Парос, но вместо этого я пошла в свою каюту и взглянула на календарь. Было 26 июня 1999 года. Сорок дней назад в Белграде взорвалась та самая бомба. Я вспомнила Агату. Если не она сама, то суть ее сообщения присутствовала на судне. Подтверждаясь ужасающим образом.

В один из следующих вечеров, 30 июня, я почти не удивилась, обнаружив на дне своей тарелки не игральную карту, а звездную карту своего Зодиака – Девы, хотя я больше ею не была. Утром мне предстояло сойти на берег. Я вышла из игры. Мы находились недалеко от острова Андрос.

Может быть, я все-таки полетела вместе с Агатой тем самым рейсом Ларнака – Афины сорок дней назад? Возможно ли, что я уже сорок дней мертва, но сама этого не заметила? Как можно проверить это? Может быть, я начала слепнуть, как доктор? Вечером у себя в каюте я взяла Библию, закрыла ладонью левый глаз, а правым прочитала наугад открытое место – псалом 38-й, стих 10-й. Потом я закрыла ладонью правый глаз, а левым прочитала отрывок из Первой книги Царств (6:38). Когда я убрала руку, я поняла, что будущее человеческого тела – это просто прошлое его души. Я полностью ослепла. Для этого мира.

И тогда я в первый раз совершенно ясно увидела тот дом, который искала всю свою жизнь. Дом, унаследованный от деда. Над входом была надпись:

ДОМ АРХОНДУЛЫ

Передней стены не было, а входная дверь была не врезана в стену, а зажата с двух сторон двумя направленными навстречу друг другу ветрами. Ветры были так сильны, что сквозь них, как через настоящую стену, нельзя было просунуть руку. Разумеется, ветры были прозрачными, оба одинаковой силы, а в месте их столкновения виднелась только прямая черта. Внутри дома, справа от входа, ниспадала совершенно гладкая водяная стена. Вода была не просто стеной. Она была и ванной. Перед стеной стояли скамейки. Слева от входа была перегородка из огнеупорного стекла, а за ней до самого потолка поднималась огненная стена. В центре огненной стены находилось отверстие, в котором можно было приготовить еду как в печке, а перед стеной стояли обеденный стол и восемь стульев. В глубине этой первой комнаты, пол которой был выложен камнем, поднималась лестница шириной во всю стену, сделанная из земли и застланная травой вместо ковра. Лестница привела меня на второй этаж, там, как на поляне, росли яблоня и лимон. Между их стволами, на покрытой цветами земле, было место для постели. Но постели не было. Дальше поднималась стена из травы, на которой висела большая пустая рама. Из рамы (то есть из стены) росли майоран, дикий укроп, зеленая мята и огуречная трава. Я легла между двумя деревьями и стала ждать. Впервые я поняла, что женское тело – это постель. Я была постелью. И когда над прозрачной крышей моего дома взлетели звезды из стаи Девы, их свет упал с неба прямо на меня, создав некое подобие плаща.

Тогда я закрыла глаза и услышала, как надо мной зацвели яблоня и лимон.

Повествование складывается в сердце так же, как зреют яблоко и лимон. Семечко за семечком, краска за краской.

ТЕЛЕЦ И ВЕСЫ

Перед вами нечто вроде гороскопа по принципу "сделай сам". Здесь вы все можете выбирать сами, поэтому читательницам лучше начать эту повесть с главы "Минотай ненавидит будущее", а читателям – с главы "Голова на тарелке…". Таким образом, получаются женская и мужская карты для чтения звезд. Остальные главы следует читать по порядку, а что касается конца, то каким ему быть, зависит от вас. Но об этом – позже.

Минотай ненавидит будущее

– Ты что, правда не слышала о Минотае?

– Нет, – сказала я, и звук глубокого женского голоса, который произнес это странное имя, навсегда остался в моих ушах. Еще долго я слышала это имя с неправильным ударением, так, как его произнесла моя подруга.

– Не может быть, что ты ничего не знаешь о Минотае!

– А что мне надо о нем знать?

– Как что? Человек влюблен в тебя уже полгода.

– Ну и что? Что же он молчит?

– Собирается сказать. Он помнит наизусть все твои любимые блюда, вина, которые ты пьешь, цвета, в которые красишь волосы. И не только это. Он покупает мебель.

– Какую еще мебель?

– Мебель для вашего будущего гнездышка.

– Врешь!

– Не вру. Он уже выбрал кухню с воздухоочистителем из латуни, а несколько дней назад привез двуспальную кровать в свою квартиру на Парижской улице. У него есть все, что можно себе представить.

– Я ничего подобного даже не слышала.

– Вот, теперь услышала.

– Как его зовут, говоришь?

– Минотай.

– Что это за имя?

– Не знаю. Наверное, он из греков. И знаешь, у него есть странности. Он может выстрелить своим сном, как стрелой. Иногда на улице среди прохожих он определяет тех, кому никогда не исполнится пятидесяти лет. Он знает все твои размеры и фасоны и уже покупает тебе шпильки для волос и соломенные шляпы. У него целая полка твоих любимых книг.

Вот что рассказала мне подруга. Вскоре я получила от Минотая что-то вроде любовного послания. Написано там было следующее:

"Ты – Весы (Libra). Площадь 538, ректосценция Альфа: среднее значение 15 h. Седьмой знак Зодиака, созвездие южного неба, соответствует первому осеннему лунному месяцу. Солнце находится в этом знаке с 23 сентября до 22 октября. Весы – знак стихии Воздуха, мужской и активный. В твоем Зодиаке царствует Венера. Девиз твоих звезд таков: "Твои мысли нигде не стоят спокойно. Всегда трепещут и порхают, как птичка. Кто бы им дал такие крылья, как голубиные, чтобы

полетели к добру и там опочили". Теперь немного обо мне... Я – женский знак. Но и в моем знаке царствует Венера..."

Естественно, что первого свидания я боялась. Зато Минотай, как оказалось, не боялся. Он подошел ко мне однажды вечером, и цвет моих глаз изменился под его взглядом. Он был похож на безбородого пастушьего бога. Его волосы были густыми, как тесто, и он завязывал их на затылке, придавая им форму лиры. В его квартире я нашла для каждого из четырех времен года по одному платью своего размера. Перед зеркалом лежали белила, румяна и ароматические масла в моем вкусе. Оказалось, он знал, что в черной одежде я пользуюсь духами "Индийский сон" Фрагонара, в красном душусь быстрыми ароматами типа "Yves Saint Laurent", а в белом – мужским вариантом "Alchimie"... Он умел гадать по пупку и необычным образом свистеть, втягивая воздух в себя. Своим глубоким и медленным свистом он мог вылечить женскую мигрень. Он мог ногой схватить мышь, а иногда появлялся с раскладной охотничьей треногой, прикрепленной к поясу. Седьмого числа каждого месяца он возил меня в Болеч и там, найдя стайку девочек-цыганок, заставлял их играть для нас на скрипках. Они всегда делали это очень неохотно, потому что после игры на скрипке женские пальцы не могут воровать с прежней ловкостью. И хотя раньше у меня были быстрые сны и медленная жизнь, я и покраснеть не успела, как оказалась в его постели. В его объятиях я успела заболеть и выздороветь, проголодаться и насытиться. Только потом краска залила мои щеки, распространилась по шее вниз, потом попала на руки, и я увидела, что пальцы у меня покраснели... Его улыбка распростерлась надо мной и полетела на Дунай, а его мощная истина пронзила меня как нож. Иногда он рассказывал мне, что любые часы независимо от конструкции могут быть сытыми или голодными, как бывает сытой или голодной любовь, а по вечерам он в постели читал мне книги, безошибочно выбирая то, что мне нравилось.

– Хорошенького понемножку, – часто повторял он.

Так оно и получилось. Не успела я отвыкнуть от неправильного ударения в его имени, как однажды вечером самолеты НАТО начали сбрасывать на нас бомбы. От каждого взрыва картины и иконы падали со стен, и с нами произошло самое худшее. Приходилось ли вам когда-нибудь заскочить в магазин купить жевательную резинку и, оглянувшись, увидеть, что вашу машину успели угнать. Вы с брелоком от сигнализации ходите ночью по городу вдоль закрытых гаражей, подозревая, что в одном из них спрятана ваша машина, и жмете на кнопку в надежде, что машина откликнется из темноты. Вот так и я хожу по улицам души Минотая и разыскиваю его любовь, но ее больше нет. К Минотаю не пристает никакая зараза, ни вши, ни блохи, но с тех пор, как начали падать бомбы, наша любовь в нем больна. Да, болеет не Минотай, он здоров, он здесь, со мной, болеет его любовь. Он ведет себя так же, как и раньше, окружающие не замечают в нем перемен, но сам он, где бы ему ни пришлось оказаться, всегда считает, что пришел не вовремя. С тех пор как началась война, он стал безошибочно улавливать запах кошачьих испражнений в моих французских духах, запах, придающий стойкость всем остальным компонентам, но сам по себе неощутимый. Казалось, что Минотай воспринимает композицию запаха в обратной последовательности. Происходило все это потому, что он потерял любовную память. Перед нами будущее, которое Минотай ненавидит, над нами устрашающе голодная вечность в образе невидимых самолетов, а за нами – переодетые воспоминания Минотая. Его глаза вдруг постарели. В них не страх, а ненависть. Ненависть к будущему. Любовь Минотая сделалась пористой и стала пропускать общую ненависть к будущему, которая воцарилась на троне ежевечернего страха перед будущим. Я, его возлюбленная, все еще обращена к любви, но любовь – это вечное завтра, и поэтому мы все больше расходимся. В его ненависти к будущему нет места для любви, а значит, нет места для меня в этой любви.

Утром, как и раньше, мы шли каждый на свою работу, а ночью, дома, пытались заснуть или заниматься любовью под бомбежкой. Не получалось. Любовь – нежное растение, любовь всегда младше нас, а мы, сами того не чувствуя, начали обращаться с ней грубо. Мы

пренебрегали нашей любовью, замалчивали ее, отстраняли ее, забывали о ней, словно нам хотелось нанести ей вред, изуродовать, может, даже убить ее до того, как убьют нас. И почему-то считали, что вопреки всему этому она должна выжить. Сначала я думала, что заболевание любви – это одно из тех заболеваний, которые длятся столько дней, сколько лет заболевшему, но, к сожалению, оказалось, что это не так. Иногда я говорила себе: что ж, это болезнь как болезнь, предвестие старости. Ведь болезнь – это просто старость в миниатюре. Но эта болезнь не была такой, как все остальные. Бомбы падали прямо в нашу с Минотаем любовь. Я принялась ее спасать. И занималась этим каждый день.

Вот как мы теперь живем. Каждый вечер перед зеркалом я тренирую свою улыбку. Я изменила ее так, что теперь она может кусаться. Перед нашим домом висит огромный плакат с пасхальным яйцом посредине. С одной стороны яйца Минотай прочитал надпись: "Ibelieve in Godh, а с другой: "They believe in bombshКогда кончается рабочий день, мы с Минотаем встречаемся в парке на Калемегдане возле памятника "Благодарность к Франции", на котором кто-то мелом написал: "Отправить на кладбище!" Если Минотай не приходит, я иду дальше одна. Спускаюсь по небольшой лестнице на Парижскую улицу, прохожу мимо бывшего французского посольства, читаю на его стене сделанную краской из баллончика надпись: "Корсика – республика!", иду до угла, где когда-то, в третьем веке, были римские термы Аэлиуса, от которых давным-давно не осталось ничего, даже источника, снабжавшего их водой. Мимо шведского посольства иду вниз, по спуску к реке, и захожу в один из высоких домов.

– Ну, что там слышно? – спрашиваю Минотая в дверях.

– Меня он спрашивал? – говорит Минотай и с отсутствующим видом смотрит на мое лиловое платье, которое ему раньше очень нравилось.

– Конечно, – отвечаю я, а он самоуверенным тоном заявляет:

– Оставим это дело…

Я обхожу вокруг стола, потом подаю ужин, вино и изюм, сажусь и некоторое время молчу. Потом опускаю голову на тарелку. Сквозь рыдания я говорю:

– Иль ты боишься быть в делах таким же, как в мечтах? Иль хочешь обладать тем, что считаешь высшим благом жизни, и жить в сознании трусости своей?Иль, как у бедной кошки в поговорке, твое "хочу" слабей "не смею"?

– Будет, – говорит он. – Я смею все, что смеет человек, и только зверь на большее способен.

– Но разве зверь тебе твой план внушил?

Он какое-то время сидит неподвижно, как будто не слышит моих рыданий, потом встает, подходит к спинке моего стула и остается там стоять. Продолжая плакать, я говорю:

– Удобный случай ты сам себе хотел создать, и вот, когда он сам собою наступил, ты отступаешь.

Тут я встаю, отодвигаю занавеску и отвожу егоза руку в спальню, укладываю в постель, укрываю, как ребенка, и тихо, на ухо, чтобы он уснул, напеваю ему Паха. Грудная клетка Минотая напоминает деревянный каркас корабля: она то вздымается, то опускается. Из кровати он смотрит на меня как на виолончель, одетую в женскую рубашку.

Над Калемегданским парком через все небо плывут на запад двести километров тишины, изборожденной противовоздушными ракетами, которые стараются перехватить "томагавки". На доме написано: "Беспа, а я живу в Югославии".

Голова на тарелке, или прохожий в накидке из козьей шерсти

"Я родился мужчиной, а умру от рака молочной железы", – подумал я, чувствуя, что ночь вокруг меня сгущается, как боль. Я стоял на дорожке Калемегданского парка и смотрел, как на Саву опускается прозрачный полумрак. Казалось, что его тащит за собой идущее по реке судно. В домах загорались окна, сначала в самых неожиданных местах, потом – повсюду. Зажегся свет, освещающий циферблат часов на колокольне Соборной церкви, вспыхнуло окно и в моей квартире. На пятом этаже, как раз на уровне дорожки Калемегданского парка, на которой я сейчас стоял. И поэтому мне все было хорошо видно. В комнату вошла девушка в лиловом платье и начала накрывать на стол. Потом она села на свое место и стала ждать. Через некоторое время взглянула на часы и подошла к окну. Казалось, она взглядом ищет кого-то в парке напротив окна, как раз там, где стоял я. В этот момент раздался сигнал воздушной тревоги. Почти сразу же что-то обрушилось на один из домов, и я увидел, что книги, как птицы, вылетают из окон. Я быстро спустился по небольшой лестнице к Парижской улице, прошел мимо римских терм, прислушиваясь к звуку воды, прочитал на ходу строку, выбитую на каменной плите, которую установил Aelius Tertius:

Alma lavacrorum de saxis decido lympha…

Пройдя мимо шведского посольства, я вошел в дом, стоящий на спуске к Саве. Зашел в лифт и наугад ткнул в какую-то кнопку… Подъемная машина доставила меня как раз туда, куда нужно, – под кнопкой звонка, на которую я нажал, значилась моя собственная фамилия.

Дверь мне открыла девушка в лиловом платье и спросила:

– Ну, что там слышно?

– Я хотел спросить одну вещь, – сказал я. – Из парка эта комната видна как на ладони. Представь себе, что кто-то из гуляющих остановился и посмотрел сюда. Вон там, видишь, кто-то в накидке из козьей шерсти как раз смотрит на наши окна. И что же он видит? Молодого человека, то есть меня, как я сижу за накрытым столом, и девушку в лиловом платье, то есть тебя, как ты приносишь ужин, вино и изюм. Вместо того чтобы ужинать, ты ударяешься в плач и кладешь голову на тарелку. И так каждый вечер. Я сижу неподвижно, как будто меня это не касается. А ты сквозь слезы говоришь хорошо мне известные, уже тысячу раз произнесенные слова, в ответ на что я поднимаюсь, обхожу стол и встаю за спинкой твоего стула. Потом и я что-то произношу. Но каждый вечер произношу одно и то же. Потом мы оба выходим из комнаты и исчезаем за каким-то занавесом в соседней комнате.

Все это прекрасно видно прохожему в накидке из козьей шерсти. Что он увидит, если и завтра в конце дня окажется на той же дорожке в тот момент, когда в домах загораются окна? Весенний ветер вздымает листья, опавшие после взрыва бомбы, и они взлетают, как птицы. Или от взрыва ракеты птицы падают с исток, как листья. А там, в комнате, к изумлению прохожего, все повторяется снова. Слово в слово. В точности совпадая с тем, что было в предыдущий день. Это невероятно как этому прохожему в накидке из козьей шерсти или кому угодно, кто может оказаться на его месте, следует понимать эти всегда одинаковые загадочные (цены, которые мы разыгрываем каждый вечер? Скажи мне, не пора ли прекратить эту комедию? Оставим это дело.

Девушка в лиловом платье гасит на мне свой сияющий взгляд и говорит:

– Глупости! Никто не гуляет на Калемегдане после сигнала воздушной тревоги. Одни сидят в подвалах, другие со значком "target" на груди толпятся на каком-нибудь мосту, где проходит рок-концерт. Что же касается нас с тобой, то вот что я тебе скажу… Ты когда-нибудь видел, как орел ловит зайца? Заяц бежит, петляя, и его отклонения в

сторону от главного направления непредсказуемы. Заяц может надеяться на спасение только до тех пор, пока ему хватает фантазии петлять, потому что только благодаря этим петлям орел каждый раз промахивается. Как только фантазия у зайца иссякает, его тело тут же теряет свой запах, и он бежит по прямой… Тогда он неизбежно становится добычей орла. Так же, как такой заяц, умирает и наша любовь. Она умирает, когда иссякает фантазия и исчезает запах… В этой комнате происходит нечто подобное…

– Нет, – возразил я, – подумай сама! Разве эти повторяющиеся сцены не напоминают тебе что-то другое, что-то, что ты уже видела? Что-то, что тебе хорошо знакомо. Нашу комнату можно воспринимать как театр, в котором мы с тобой играем спектакль.

– Какой спектакль? – спросила она с живостью. С гораздо большей живостью, чем можно было ожидать, учитывая обстоятельства.

– Это Шекспир. Не веришь – возьми книгу и посмотри. "Макбет", первое действие, сцена седьмая.

Любовь, которая каждое утро стареет на год

Конечно, Минотай был прав. Это действительно был Шекспир, "Макбет", первое действие, сцена седьмая.

Сейчас я пытаюсь, прикрываясь своей улыбкой, которая может укусить, подвергнуть Минотая процессу, условно называемому лечением. Лечением нашей больной любви, которая каждое утро стареет на год. Так как любовь нельзя вылечить ни в поликлинике, ни в операционной, тем более в условиях войны, я обратилась к опыту целителей.

Я уже испробовала некоторые способы и отвергла их как неэффективные. Несмотря на все мои усилия, Минотай меня больше не

узнает и даже не помнит мое имя. Он думает, что я прислуга, или сестра, или кто-нибудь вроде этого. Он больше не слышит того, что я ему говорю. Под бомбами его член больше на меня не реагирует. И на других женщин тоже. Тот, кто продел свою жизнь через сердце, как нитку через игольное ушко, поймет, почему я иду на все, лишь бы вернуть себе Минотая. А тот, кто не продел свою жизнь через сердце, как через игольное ушко, не поймет.

Сейчас я применяю один способ, который раньше, в начале лечения, даже в голову не мог мне прийти. То, что я делаю, не похоже на лечение в обычном смысле слова. Это скорее длительная, мучительная работа. Упражнение с использованием Шекспира имело целью заставить Минотая хотя бы временно забыть свою ненависть к будущему и перенестись в какое-то другое место и время, в нашем случае – в то, где жил Макбет. Это стало бы первым шагом на пути ко мне. Шагом от ненависти к любви.

Но дело двигалось плохо. Несколько дней назад стало окончательно ясно, что курса лечения Шекспиром недостаточно. Наяву я больше не могла влиять наМинотая. Я была ближе к нему не тогда, когда он бодрствовал, а когда спал. Ничего удивительного. Наяву он ежечасно слушал сводки военных действий. По утрам накупал газет – "Политику", "Блиц", "Данас" – и сравнивал напечатанные в них сообщения о бомбардировках. Вечерами смотрел по телевизору все, что мог поймать, – ВВС, Студию Б, хорватские телеканалы, CNN и БК. Ночь начинал с того, что слушал по радио Студию Б и знакомился с электронной почтой, а потом ловил радио Черногории и просматривал сайты War against Yugoslavia INET и CNN в Интернете. Он был сам не свой и постоянно пытался сложить в единое целое все, что узнавал. Спал с наушником от транзистора в ухе. В любой момент мог по памяти перечислить, что, где и когда было разрушено, будь то мост или село. Я просто не знала, как вырвать его из этой двойной войны – войны, бушующей вокруг нас, и войны, отражавшейся в нас, как в разбитом зеркале. Он боялся, что на нас перекинется вспыхнувший по соседству пожар, боялся ядовитых облаков, которые поднимались над разрушенными объектами в

Панчеве, боялся экологической катастрофы в случае, если НАТО станет бомбить Барич.

Мне пришлось прибегнуть к дополнительным процедурам, которые мой целитель называет "лечением снами".

Во сне ни у кого нет имени. Окликни уснувшего чужим именем, даже женским мужчину, и спящего разбудит не имя, а твой голос. Поэтому сильнейшим воздействием на спящего обладают слова, обращенные к человеку, который только что уснул и потерял имя, го есть слова, заброшенные прямо в его сон. В зависимости от того, что вы ему нашептываете или читаете, у спящего изменяются мысли. Это давало мне возможность попытаться влиять на Минотая хотя бы тогда, когда он спит. Каждый второй вечер, как только он засыпал, я открывала какую-нибудь книгу и читала ему. Тихо, почти шепотом, стараясь не разбудить, я зачитывала одну страницу. Как лама читает над умирающим, так и я, сидя вечером рядом с заснувшим Минотаем, читала над нашей умирающей любовью. А над нами свистели ракеты. Если какую-то из них сбивало ПВО, казалось, что в небе разрывается огромная металлическая циновка. Когда взрыв происходил близко, Минотай просыпался и мое упражнение пропадало впустую. Если же он продолжал спать, я могла надеяться, что в ушах у него что-то осталось. Капля человеческого слова вместо капли чьей-то смерти.

Это была игра наудачу. Согласно рекомендации, мне следовало читать ему истории о знаменитых парах. Не обязательно любовных.

Я читала, а бомбы падали на Белград, на Земун, на Нови Сад, на Сомбор, Ниш, Косово, Приштину, на Черногорию... Я читала то, что попадалось под руку, надеясь на счастливую случайность. Читала легенды о Потифаре и его жене, об Абеляре и Элоизе, о Давиде и Голиафе, о Гогене и Ван-Гоге, о Гете и Гельдерлине, о Вуке и его дочери Мине Караджич, о косовском князе Лазаре и царице Милице, о Тесле и его кошке. Я читала Кавафиса, Иоанна Златоуста, Кортасара, Иоанна Дамаскина, Кальвина, Достоевского и св. Кирилла. Я читала на

сербском, английском, греческом и русском. Ведь язык не имеет значения, сны старше, чем языки. Так продолжалось около двух недель. За это время были разрушены мосты на Дунае возле Нови Сада и здание бывшего ЦК неподалеку от места впадения Савы в Дунай. Минотай от кого-то услышал предсказание, что тяжелее всего Белграду придется между двумя снегами. Он постоянно следил за прогнозом погоды, надеясь, что весна повернет вспять (как это случилось в апреле 1941 года) и снова выпадет снег. Однако сияло солнце. Он приводил меня в отчаяние тем, что по-прежнему не проявлял ко мне никакого интереса ни во сне, ни наяву. Под животом у него рос такой огромный куст волос, что он мочился как через траву, однако мое чтение не возбудило в нем никакого любовного желания. Умирает ли любовь, умирает ли человек – умирающий сам решает, слушать ему читающего над ним ламу или нет.

Высоко над нами рождается еще одна, новая, никем пока не использовавшаяся ночь, девственно чистая, душистая, полная снарядов НАТО и древних звезд, вспыхивающих в этой новой темноте, как вспыхивают человеческие мысли. Там, среди них, есть и мысль Минотая. Как вернуть ее обратно ко мне? На наших глазах над другим берегом реки бесшумно летит вниз большой светящийся шар, потом слышится оглушительный взрыв и возникает что-то похожее на ствол дерева, только из дыма. Он быстро растет, пускает ветки и сквозь ночной мрак тянет их к небу.

Звезда в зеркале

Пять лет Минотай носил бороду во сне, не нося ее наяву. Она у него оставалась там же, где и сны. Минотай не любил вспоминать свои сны. Однако он рассказал мне один сон, – кажется, это было 12 апреля. Я ухватилась за это, как утопающий за соломинку, надеясь таким образом узнать, дала ли моя работа какие-то результаты или нет. В ту ночь, когда он видел тот сон, я читала ему Борхеса, "Песчаную книгу". Вот что я услышала от него наутро:

"Мне снилось, что я в Торонто. Какой-то член Совета короны Канады и еще один человек познакомили меня с Борхесом. Он был таким же застенчивым и милым, каков он в своих книгах. Мы куда-то летели в самолете. Он взял купюру, в центре которой был круг, а в нем слово "Сангрия", сложил пополам, расписался на ней и дал мне как свой автограф. Еще он заметил, что "Сангрия" – это название одного ресторанчика…"

Вот и все. Я была в шоке. Сон Минотая был не-глубок, как отмель. Вместо того чтобы во сне преображаться, Минотай подслушивал, как падают бомбы и воют сирены, поэтому ему и приснилось, что он летит на самолете. Он запомнил даже имя автора той книги, которую я ему читала. Я не сдавалась, но мое отчаяние росло.

После этого случая Минотай долго не рассказывал мне свои сны. По утрам он пил молоко, равнодушно выслушивал сообщение об отмене воздушной тревоги, смотрел, как я жую свои волосы, как застегиваю стеклянные пуговки вечерних перчаток, как крашу ногти под цвет чулок.

Его состояние ухудшалось. Надежды на то, что он вспомнит мое имя, больше не было, а именно это было бы первым признаком выздоровления и возвращения ко мне.

Но самым ужасным было даже не это. Ужаснее всего было то, что болезнь души стала захватывать и тело. Три дня он не ходил на работу, плохо себя чувствовал. Потом, как-то вечером, вернулся не с работы, а из больницы. С повязкой на руке. Он рассказал мне, как был на рок-концерте на Савском мосту и что там произошло. На мосту толпилось полно народу, когда в небе показалась крылатая ракета. Она была похожа на огромную светящуюся рыбу и плыла по воздуху на удивление медленно. Было ясно видно, как ракета приближается к мосту. Вдруг она застыла прямо над головами людей, как будто раздумывая, что ей делать дальше, а потом устремилась к другому берегу Дуная – видимо, взрывать нефтеперерабатывающий завод в Панчеве. Я испугалась, что

Минотай повредил себе руку на мосту. Но он сказал, что этим утром, на работе, где он в соответствии с законами военного времени нес дежурство, его зацепила дверь лифта. Перевязывая рану, я увидела, что из руки у него выхвачен кусок мяса. Я уверена, что он сам укусил себя от страха, когда стоял на мосту. Когда я спросила его, что все это значит, он только рассмеялся в ответ. Теперь я слежу за ним даже во сне. Однажды вечером, когда на Белград падали бомбы НАТО, срок использования которых истек в 1997 году (позже мы прочитали это на найденных осколках этих бомб), Минотай, лежа в постели, перед тем как уснуть, сунул в рот большой палец и принялся его сосать, как ребенок. Я поняла, что происходит, в самый последний момент. Изо рта полилась кровь, и я с большим трудом вытащила палец из сомкнутых челюстей. Его болезнь, его болезненная ненависть к страшному будущему начали приносить свои плоды. Минотай стал по частям пожирать самого себя.

В самом темном углу нашей спальни, в зеркале, блестит луна. А рядом – звезда. Она выглядит так же, как все остальные звезды, но она не настоящая. Это спутник-шпион, который носит имя "Мама". В отличие от настоящих звезд, он не мерцает. Каждую ночь "Мама" передает информацию о бомбардировках, а потом смотрится в мое зеркало.

Рисунки на ногтях

Не зная, где искать спасения, я по-прежнему уповала на колдовство. Но и здесь оставалось не так много возможностей. Я знала, что есть еще одно, последнее, средство, опасное не только для Минотая, но и для меня. Но может быть, именно оно окажется спасительным. Посвященные люди сообщили мне, что мощнейшие магические формулы содержатся в обычных газетных объявлениях. Правда, надо знать, как с ними обращаться. Мне дали три объявления, предупредив, что они опаснее чумы и страшнее невидимого F-117.Дело было не в их содержании, а в том, что в них скрыто, что незаметно на первый взгляд, но что складывается в сознании того, кому их читают, в некое мощное и действенное целое, так же как F-117, который незаметен с земли, но

хорошо виден с воздуха. Итак, мне следовало отказаться от неэффективных литературных чтений и внедрить прямо в сон Минотая три объявления, прочитанные в такой последовательности, которая мне самой покажется оптимальной. Однако если я не сумею угадать эту последовательность и прочту по-другому, то заболею сама. В таком случае я больше не смогу заниматься лечением Минотая, потому что стану такой же больной, как и он. И тогда все будет кончено.

Несмотря на опасность, однажды вечером я решилась испробовать и это, последнее, средство. Мы находились в бомбоубежище. На стене у входа одна девочка написала: "Я не гриб, чтобы расти в подвале". Я, как всегда, захватила с собой салфетки, намоченные содовым раствором, на случай, если взорвется что-нибудь такое, отчего жжет и щиплет в носу и глазах. При мне были и три газетных объявления. Как только Минотай уснул, я стала тихо, на ухо, читать их одно за другим. Последовательность я выбрала наугад, как будто трижды бросила игральные кости прямо в его сон. Я призвала на помощь неведомую силу, надеясь на ее поддержку. Я хотела, чтобы Минотай увидел меня во сне и вспомнил, как меня зовут. Пусть даже всего один раз. Этого было бы достаточно. Если бы так произошло, лечение начало бы действовать.

Объявления я прочитала в таком порядке:

"Минуя посредников, уполномоченная фирма купит подержанный лифт до третьего этажа грузоподъемностью 1 – 3 человека. Возможен бартер на сетку от насекомых из стекловолокна. Сетка прозрачная, хорошо пропускает воздух, срок использования неограничен. Установка по договоренности. Вместо сетки за вышеуказанный лифт можем предложить старый автобус без двигателя, пригодный для использования в качестве летнего домика, пасеки или металлолома".

"Тайну гарантирую. Умный, мужественный мужчина, умеющий жить, возраст 43 года, ищет способную, корректную, скромную, молодую партнершу для совместного организованного выезда на ПМЖ".

"Номер один среди художников изготавливает типичные американские ногти с различными декоративными элементами, наращивание – 8 динаров за палец. Изображения сербских святых и правителей, художественная работа, 50 динаров за ноготь. Делаю татуировки на груди и спине – фрески из монастырей Студеница и Стари Нагоричан".

Чтобы узнать, были ли эффективны объявления, мне даже не пришлось ждать до утра. Достаточно было бросить беглый взгляд на спящего Минотая, чтобы убедиться, что они, как если бы мы имели дело с заклинаниями или молитвами, начали бурное действие.

С их помощью мне удалось кого-то или что-то вызвать. Это было настоящее извержение энергии. Фамильные часы Минотая, которые перестали идти еще в прошлом веке и которые я носила на шее, вдруг заработали. Сначала Минотай проявил признаки чрезвычайного возбуждения, но потом вдруг все прекратилось и двинулось в другом направлении. Все полетело в тартарары. Минотаю не удалось меня вспомнить. Несмотря на то что я сумела призвать в его сон какую-то мощную потустороннюю силу, при чтении объявлений я не смогла угадать нужную последовательность. Я промахнулась.

Этот неверный шаг не прошел бесследно и для меня. Меня тоже зацепило. И весьма ощутимо. Моя любовь стала какой-то пористой и начала пропускать ненависть к будущему, царившую вокруг. Я чувствовала, что в том многомиллионном множестве, к которому я принадлежу, будущее ненавидят все, кроме меня. Это меня очень испугало. Мне грозило одиночество, которое было страшнее бомб и ракет. Я знала, что у человечества есть только одно будущее. Испокон века – только одно, и запасного будущего нет. Как же я могла его ненавидеть? Но теперь и я увидела, что это будущее отвратительно, что оно несет нам ужас. Будущее – это конюшня, в которой стоит и жует свою жвачку страх, думала я. И тут я ясно услышала звук, который издало мое настоящее, раскалываясь надвое. И я забыла, как меня зовут.

В растерянности смотрела я на незнакомого человека, который спал рядом со мной в каком-то подвале. Я не знала, кто он такой, я не знала, почему мы здесь. А он говорил во сне: "Неужели ты не видишь? Все идет к концу. Всему конец. Конец веку, конец браку, конец войне..."

Я выскочила из подвала и бросилась бежать – по Парижской улице мимо римских терм, где журчала вода… Меня бил озноб. Я бежала по улице Князя Михаила, где зияли разбитые витрины французского, немецкого, британского и американского культурных центров. На стене американского центра было написано фломастером: "Американцы, я ненавижу ненавидеть, но вы сами этого добились". Воздух горел у меня в ноздрях. Горел и город вокруг меня, распространяя запах пороха и дымящегося кабеля. Над моей головой пронеслась ракета, выпущенная с какой-то подводной лодки в Адриатическом море. Она была снабжена мигалками, и я видела, как она пролетела между двумя зданиями и устремилась к своей цели – многоэтажному зданию на улице Князя Милоша. И тут я почувствовала голод. Нестерпимый голод. Не останавливаясь, на бегу, я сунула большой палец себе в рот…

Бог повествования

У повествования всегда есть свой бог. У любого. Даже у самого плохого. Бог этого повествования – я. Мои слова пришли к вам в самом начале этой истории. После смерти живых существ дольше всего живет та часть их телесного состава, которая называется словом. Таким образом, все это только мои слова. Меня самого уже давно нет среди живых. Я жил в Афинах приблизительно 2000 лет назад. Был многобожцем и судьей, потом стал христианином и писателем. Звали меня Ареопагит, а потом и Псевдоареопагит. Как я умер – не знаю. Этого мертвые не помнят. Правда, потом, от живых, я слышал, каким был мой конец. То, что я был писателем, никак не связано с этой историей. Я ее не пишу. Я в ней поселяюсь или, говоря точнее, прохожу через нее для того, чтобы кое-что сделать.

Итак, в эту историю меня позвали. Точнее, меня позвала одна женщина, отчаявшаяся из-за болезни своего любимого, в котором начала болеть любовь. Она взывала о помощи, и появился я. Каждый вечер, в то время, когда обычно звучит сигнал воздушной тревоги, я стою на дорожке парка Калемегдан в своей накидке из козьей шерсти и наблюдаю за ними через окно их квартиры. Она заблуждается, думая, что вы-

звала меня сюда своими заклинаниями, магическими формулами и колдовством, в котором используются газетные объявления. Все это не так. У нее была сила вызвать кого-то потому, что она горячо желала помочь, а отозвался именно я, потому что мы с ней носим одно имя. Вот почему я смог откликнуться на ее зов, вот почему я нахожусь теперь в этом повествовании. Я пытаюсь им помочь.

Вызывая меня, она совершила какую-то ошибку. Теперь больна не только его, но и ее любовь. Поэтому я пошлю в ее сны немного своего охлажденного двадцативекового сна, чтобы очистить ее имя от его имени. Это единственный способ оздоровить и исцелить любовь. Дело в том, что любовь всегда страдает оттого, что имена любящих борются друг с другом за превосходство. Их нужно очистить одно от другого. Это как два звука, которые взаимно уничтожаются. Один звук нужно смыть с другого звука. Если тебе нужна любовь, ты должен очистить имя того, кого любишь, от своего имени. Кто сделает это, спасет свою любовь. Минотаю будет нелегко сделать это.

Минотай родился под знаком Тельца (Taurus), а это, как у вас теперь принято говорить, второй знак Зодиака, соответствующий второму весеннему лунному месяцу. Солнце проходит через этот знак с 21 апреля по 21 мая. Луна в этом знаке находится в экзальтации, а господствует здесь Венера. Телец – женский знак Земли, пассивный и стабильный. Его созвездие расположено в северном небе. Чтобы спасти свою любовь, Минотаю следует очистить мужскую природу своей возлюбленной от собственной женской природы и от ужасов своей злой звезды Алгол. Девиз этого знака абсолютно ясен: "Мир всем возглашая,

говорю я, а сам его в себе не имею. Как птица, закрытая в доме, душа бьется и мечется во мне. А душа твоя как земля безводная, "лишь слезами гасишь свою жажду".

Чтобы помочь им, я в его сне перемешаю их имена (так, как это и было в их жизни) и дам ему возможность очистить ее имя от своего имени. Чтобы он, утративший чувства, не заразил ее имя своим. Может быть, тогда он услышит это некогда любимое им имя вместо своего, которое постоянно звенит у него в ушах, как и у всякого смертного. Пусть устранит известное, чтобы увидеть неизвестное, то есть Истину и1Любовь. Как только он назовет ее по имени, он разбудит свою любовь. Потому что назвать по имени – значит разбудить…

Вот что я послал в его сон и что он о том сне записал:

Сон Минотая

Доводилось ли тебе когда-нибудь видеть, как некоторые люди умудряются, подбросив вверх один камень, попасть в него другим, брошенным секундой позже? Сегодня ночью я был таким первым камнем, в который бросили второй. Мне снилось, что я быстро старею. И вдруг в мой сон, как драгоценный камень, выпущенный из пращи, с огромной скоростью влетел чей-то чужой сон. Он вызвал настоящее сотрясение. Так огромный метеор, ударившись о Землю, пробуждает вулкан… Он был полон силы и энергии и почти совершенно разрушил мой дух. От этого чужого сна мой сон трещал по швам, он раскалывался на лету под напором этого великолепного чужака, который, с грохотом пролетев через все мои сны, резко остановился и остался этой ночью тут, во мне. Но это не было вторжением врага. Это был сон всеобъемлющей любви и милосердия, его даже можно было воспринять как лекарство от него самого, лекарство, которое могло вылечить мой сон от этого чужого сна. Это был мощный сон, который принес прощение другому сну.

Итак, у меня был сон, но, как это часто бывает со снами, я его быстро потерял. С трудом вспоминаю его. Но точно знаю, что чужие куски сна были ужасающе холодными, как будто попали сюда от кого-то, кто уже не был живым. Этим они отличались от моих снов, теплых и живых. Однако, проснувшись, я перестал ощущать эту разницу. И теперь, наяву, я Польше не могу отличить фрагменты чужих снов от собственных. Вот что осталось от сна после пробуждения.

О своем сне я помню, что начал в нем стареть и глохнуть, перестал улавливать отдельные звуки. Сначала это были только звуки "а" и "д", иногда "н". И я перестал слышать слово "дан". Так я заметил, что старость уносит мой слух. Потом некоторое время ничего не менялось, а затем я перестал слышать звуки "и", "о", "с"… Моя глухота развивалась. Я был вынужден устранять лишнее.

Мы знаем, что устранением лишнего занимается ваятель, создавая скульптуру из каменной глыбы: он освобождает ее от всего лишнего, что не дает в чистом виде увидеть скрытый в камне образ. Используя один только прием – устранение лишнего, – мастер обнаруживает таящуюся внутри красоту.

Надо сказать, что вначале я не слишком волновался. Однако, когда на звуке "й" развитие моей неспособности слышать прекратилось и оказалось, что я не слышу семь звуков, я спросил самого себя – куда ведет меня такое частичное, такое, можно сказать, целенаправленное несовершенство слуха? Что оно означает?

Не следует забывать, что поиски с помощью незнания и неспособности видеть означают знание и видение того, что находится над знанием и видением. И возможно, именно незнание и невидение дают возможность знать и видеть?

И вот я решил установить, не значат ли для меня что-то особое те звуки, которых я больше не слышу? Я предположил, что таким "способом кто-то откуда-то передает мне некое сообщение.

То же самое происходит с изумрудом, который очищают от налипшей на него земли и он, подобно скульптуре, возникает из бесформенной массы в виде драгоценного камня.

Сообразив все это, может быть, слишком поздно, я тем не менее составил список звуков, которые перестал слышать. И в поисках предполагаемого сообщения начал составлять из этих звуков комбинации. Такая работа заняла у меня несколько дней, но во сне это совсем недолго, потому что ночи там в счет не идут.

И вот наконец, складывая и переставляя на все лады семь звуков, которых недоставало теперь моему слуху, а следовательно, и моей жизни, и моему сну, я с ужасом и изумлением обнаружил, а лучше сказать, угадал, что эти звуки составляют имя. Имя тем более для меня роковое, что во сне, как известно, имен нет. И здесь возникли определенные трудности. В это имя были вкраплены какие-то посторонние звуки, которые я отлично слышал, и они заглушали мою глухоту, то есть мою память о звуках, и, следовательно, сообщение, состоявшее из тех звуков, которые я перестал слышать.

Я больше не смог услышать это имя и тогда, когда оно было произнесено, потому что именно к звукам, составлявшим это имя, я и оглох, сохранив способность слышать только те звуки, которых в нем не было… Это имя было именем человека, которого я когда-то хорошо знал и любил, любил больше всех, но теперь забыл. Следовательно, я не мог больше слышать имя своей самой большой любви, хотя страстно хотел его вспомнить. И из-за моей глухоты никто больше не мог мне его сказать. Я видел ее во сне, она была красивой и жевала свои волосы. В своей красоте она сидела как в быстроходном челне. Я весь был обмазан ее густым взглядом, он стекал по мне. Я знал, что она родилась под знаком Весов, но не мог вспомнить ни кто она такая, ни как ее

зовут. Ее беззвучное имя мерцало надо мной перед пробуждением, как падающая звезда, которая ставит подпись на моем окне. Но это имя было затуманено каким-то ледяным веществом, не принадлежащим нашему миру, каким-то чужим сном, который той ночью внедрился в мой сон. Сновидения какого-то неизвестного мне человека стояли преградой между мной и моей любовью. Теперь, когда я бодрствую, я знаю, что мог бы вспомнить это главное для меня имя, если бы сумел устранить из моего сна это чужое ледяное излучение… Вот почему я записываю все это. Может быть, кто-нибудь сможет погасить в моем сне этот странный слепящий свет, отделить не слышимые мною звуки от плевел тех других, чужих, слышимых, чтобы открылось скрытое от меня имя – имя моей любви, которое нашептывает мне моя глухота…

ЭПИЛОГ

Дорогие читатели, не пора ли спросить, куда завел вас бог повествования? Потому что эти слова снова шепчет вам он. Вы спрашиваете: разве мы не вернемся к войне? Отвечаю сразу: не вернемся. Наша тема любовь, а не война. В этой истории властвует Венера. Планета Венера, которая управляет созвездиями тех, кто родился под знаками Тельца и Весов, то есть под созвездиями Минотая и его любимой.

Кроме того, надо напомнить, что герои этой повести, какими бы они ни были больными, несчастными и растерянными и как бы бомбежки ни заставляли их возненавидеть будущее, все же находятся в лучшем положении, чем вы. В вашем мире, где красоты всегда больше, чем любви, никто вас не спасет. А их есть кому спасать. Вы можете со спокойной совестью прямо сейчас вмешаться в это повествование и, не умея излечить себя, излечить хотя бы Минотая и его подругу. Он не знает, что должен из своего сна убрать собственное имя. Устраните его из сна Минотая и покажите ему то, что останется, – прочитайте ему имя его любви! Оно написано красными буквами. Так вы спасете их союз. Или, если хотите, сделайте это в Интернете по адресу: www.rastko.org.yu/knjizevnost/pavic/

Если же вам больше понравится другое развитие событий, то оставьте влюбленных там, где они есть, то есть посреди войны, в печальной истории…